

Арина Ларина

Свадьба беременной Золушки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161340
Ларина А. Свадьба беременной Золушки: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-17940-2

Аннотация

В жизнь наивной Юльки пришла любовь, но, потоптавшись на пороге, решила, что здесь ей делать нечего, и хлопнула дверью, оставив горькое разочарование и... легкую беременность. Именно в этот судьбоносный момент шеф просит Юльку временно переквалифицироваться в шпионку и блеснуть своими способностями в офисе компаньонов. А тем временем властная мама пытается подобрать ей мужа – любого, ведь нельзя же оставаться в интересном положении без мужской поддержки! Из этого, конечно же, ничего не выходит. Потому что ее бестолковая дочь влюбилась... в нового начальника!

Содержание

Арина Ларина	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арина Ларина

Свадьба беременной Золушки

Юлька зигзагами двигалась в сторону дома, пытаясь обходить лужи и сомнительные островки жидкой снежной каши, наступив на которые можно было запросто провалиться если уж не по колено, то по щиколотку точно. Еще выходя из трамвая, она поняла, что вряд ли попадет домой с сухими ногами. Когда двери скрипящего и стонущего каждым своим винтиком вагона наконец-то распахнулись, гостеприимно предлагая основательно помятым пассажирам выматываться, она в отчаянии вцепилась в поручни, предприняв нечеловеческие усилия по удержанию гомонящей толпы, желавшей во что бы то ни стало покинуть эту консервную банку и дорысать до теплых квартир. Прямо перед выходом поблескивала угрожающих размеров лужа, перепрыгнуть которую без хорошей спортивной подготовки было довольно затруднительно. Таковой подготовки у Юльки не имелось, равно как и сил удержать напивавших сограждан, поэтому она совершила отчаянный прыжок, надеясь на то, что напор толпы придаст ей необходимое ускорение и она успешно приземлится на сухой тротуар. Карлсон из худенькой Юльки вышел никудышный, поэтому приземление состоялось не совсем удачно. Его скорее можно было охарактеризовать как приводнение. Она с коротким уханьем шлепнула сапожками в самую середину лужи, обдав окружающих ледяными брызгами. Народ возмущенно забурлил, и несостоявшейся парашютистке пришлось спасаться бегством от праведного гнева «подмоченных» пострадавших. Похлопывая водой, попавшей в обувь, она еще около часа бегала по магазинам в поисках продуктов, ощущая себя хозяйственной «хлопотушкой».

Юля была обязательной, исполнительской и пунктуальной, за что на работе ее любили и ценили. Внешностью ее бог не осчастливил: длинные темно-русые волосы, обычное лицо, приятное, но не более, стройная фигура без выдающихся деталей, даже с некоторой нехваткой в нужных местах. Она считала себя обычной серой мышкой, теряющейся в толпе, и комплексовала на фоне подруг, которые казались ей более достойными мужского внимания. Хотелось думать, что она просто недооценивает себя, но жизнь постоянно убеждала в обратном. Девчонки влюблялись, выходили замуж, бурно выясняли отношения с любимыми и разлюбленными, в общем, жили интересно и ярко, чего нельзя было сказать о Юльке. Она всегда внимательно выслушивала, пыталась помочь, но абсолютное отсутствие опыта обесценивало ее рекомендации. Ее теоретические познания подруги поднимали на смех и отвергали советы, вычитанные в книгах, приводя примеры из жизни. Девочки искренне желали добра самой Юльке. Диапазон вариантов изменения ее судьбы колебался от «пойди к магу и сними венец безбрачия» до «познакомься в театре». Осуществить эти наставления на практике не удавалось. Записаться на прием к потомственной колдунье можно было только за несколько месяцев, чему Юлька невероятно обрадовалась и с легким сердцем отказалась от этой затеи. Походы в театр принесли лишь разочарование: мало того, что постановки оставляли желать лучшего, так еще и соседями каждый раз оказывались разновозрастные особы женского пола или семейные пары. Знакомиться в транспорте или на улице она опасалась, да никто, собственно, и не изъявлял желания пообщаться. В молодежных компаниях, куда подруги усиленно зазывали непристроенную невесту, кавалеры ею не интересовались. Ночами она плакала от обиды и не понимала, почему жизнь столь несправедлива. Горестные всхлипы были услышаны, и судьба сделала реверанс в Юлькину сторону.

Уже полгода она жила с Костиком. Ради него Юлька готова была на любые подвиги. Она даже купила толстенную кулинарную книгу и регулярно баловала своего ненаглядного всяческой экзотикой. Она радовалась, что у ее любимого нет денег на рестораны, ей было

так приятно готовить для него, а потом, красиво накрыв стол, уютно устраиваться с ним рядом и поесть собственноручно сделанные кулинарные шедевры, щелкая пультом телевизора и с восторгом слушая разглагольствования своего высокоинтеллектуального бойфренда. Правда, теперь ей приходилось подрабатывать по выходным, поскольку она кормила двоих, да и съемная квартира, несмотря на габариты скворечника, обходилась ей недешево. Костя был еще студентом, своих доходов не имел, жутко уставал на лекциях и не мог ей помочь, хотя очень убивался по этому поводу. Юльке было приятно чувствовать себя взрослой. У многих ее подруг дети уже ходили в школу, они часто обсуждали разные хозяйственные вопросы, а ей, жившей с родителями на всем готовом, приходилось стыдливо отмалчиваться. И вот теперь она была на уровне. Как все.

...Юлька ощутила невероятное облегчение, попав наконец в теплый подъезд, и на минутку припала озябшими руками к горячей батарее. Еле волоча неподъемные сумки, она заползла на свой этаж и долго примеривалась у дверей, как бы сунуть ключ в замок, не опуская пакет с продуктами на грязный пол. В результате ручки порвались, и буханка хлеба все-таки шмякнулась в грязь. Хорошо хоть теперь продают хлеб, завернутый в полиэтилен. Он не испачкался, но настроение почему-то испортилось. Ввалившись в коридор съемной однокомнатной хрущевки, Юлька хотела заметить Костику, что она замерзла, промокла, а он не встретил, не помог донести тяжести... В нос ударил запах чего-то вкусного, жареного.

«Ужин делает», – умилилась она, тут же забыв про усталость.

Захотелось подбежать, обнять сзади, прижаться и сказать, как она его любит, как ценит, какой он самый-самый... На этой романтической ноте Юлька влетела в крохотную кухню и, образно говоря, стукнулась рогами о косяк. Она застыла в дверях, ощущая дикую беспомощность, отчаяние, обиду и черт знает что еще. Было такое чувство, как будто ее со всей силы ударили чем-то тяжелым по затылку, не просто больно, а исподтишка.

Стол был накрыт праздничной скатертью, которую она долго с любовью выбирала на рынке, хлюпая сапогами по растаявшему снегу и то и дело возвращаясь то к одному, то к другому лотку. Эту прелесть она нашла, когда замерзла окончательно и уже видела свой нос, фиолетовый и распухший от мороза, как слива. За столом, накрытым этой самой скатертью, сидел Костик с неизвестной медноволосой девицей, кормившей его с ложечки чем-то зелено-майонезным. Девица даже не повернула головы, а Костик, не покраснев, не выказав никакого, абсолютно никакого замешательства, с досадой сказал:

– Чего ты трубку выключила, я дозвониться не смог: предупредить хотел – переночуй сегодня у родителей, у меня дела.

Это была откровенная наглость. Он даже не попытался соврать или дать Юльке возможность достойно выпутаться из этой ситуации! Слезы подступили к глазам, запекло в солнечном сплетении, и Юльку захлестнула безграничная ярость: захотелось немедленно прибить их обоих и пойти сдать властям. Но это так же быстро прошло, как и накатило. Ноги стали ватными, голова закружилась. Где-то внутри рождалось чувство безграничной потери, но она еще не могла осознать ее глубину. Юлька летела с обрыва и не видела, что там внизу.

Только не рыдать... При них. Как деревянная, она повернулась на низких стоптанных каблучках и промаршировала к дверям. Спинай она чувствовала его взгляд и даже не ждала, что он побежит, как в мексиканских сериалах, рвя на себе волосы и причитая о погибшей любви. Она вообще ни о чем не думала, хотя мысли билась в голове, как рой диких пчел, они жужжали, сталкиваясь и перекрывая друг друга хаотичным гулом. Мысли были отдельно от нее. Она просто заставляла себя не сосредотачиваться на них, иначе... Можно просто сойти с ума.

К родителям она не поехала. Ей не хотелось объясняться с мамой, которой всегда не нравился Костя. Она сделала то, чего не делала никогда: приехала без звонка к Ане и сказала, что переночует у нее, едва Анька открыла дверь. Под обалделым взглядом хозяйки Юлька протопала к дивану в гостиной, легла на него и стянула на себя со спинки покрывало, закрывшись с головой. Анька, надо отдать ей должное, не стала выяснять, что это за номера откалывает подруга на ночь глядя, а просто выключила свет и прикрыла дверь. И тут, в темноте, под душным диванным покрывалом Юлька дала волю слезам. Она оплакивала свои несбывшиеся мечты, своего неродившегося ребенка, некупленную кроватку... Свою единственную, первую и последнюю в жизни любовь, которая осталась, как разбитое вдребезги блюдечко, в той хрущевской кухне. Когда первые эмоции улеглись, утекло и высохло вместе со слезами горе, стало полегче и даже подумалось, что он уже пожалел, ищет ее. Ну конечно! Он ее ищет, волнуется, он же любит. Какие у него глаза... Глаза не лгут, Костик ее любит... А медноволосая – это временное помутнение рассудка. Какая она бесчувственная, у него же экзамены, стресс, а она... Юльке стало стыдно, и она на цыпочках прокралась к телефону. Сейчас она позвонит, все недоразумения выяснятся, и они снова будут вместе... Будут... Трубку никто не снимал.

Не туда попала, решила Юлька и набрала еще. Длинные гудки. Точно, он ищет ее. Ходит по улице, мерзнет... Слезы опять хлынули градом. Юлька еле дождалась семи утра и позвонила маме: «Костик не звонил?» Заспанная Галина Даниловна долго не могла понять, чего дочери от нее надо, наконец ее голос стал более вменяемым – нет, не звонил твой Костик, – и последовал вопрос, которого Юлька так боялась: «А что случилось?»

Юлька торопливо попрощалась, пробормотав нечто невнятное и пообещав позвонить с работы. Положив трубку, она медленно опустилась на пол и сухими глазами уставилась в стену. Рисунок на обоях она изучала до тех пор, пока в коридор не выползла встрепанная спросонья Анька со словами: «А не пора ли на работу?»

Больше она ничего не спросила, и Юлька была ей за это благодарна. Ответов она еще сама не знала. Но острая потребность все выяснить до конца не давала ей окончательно упасть духом: «Сегодня или никогда – до завтра в этом диком неведении я не проживу!»

В какой-то судорожной надежде она ухватила за мелькнувшую мысль: «Он же будет звонить мне на работу. Костик знает, как к нему относится моя мама, он просто не мог ей позвонить. Наверное, он ждет у офиса, с цветами...» Юлькины мысли понеслись куда-то в розовую даль. Она сама себе не верила. Или верила? Единственное, что она знала теперь точно – что значит выражение «едет крыша». Юлькина крыша именно ехала, это надо было немедленно остановить. Любой ценой.

На работу она добиралась на такси. Хотелось приехать раньше всех, пока в приемной никого нет и можно будет спокойно поговорить. Она будет держаться независимо, делать вид, что ей все равно. Она угостит его кофе и с непроницаемым лицом будет слушать его сбивчивые объяснения. Пусть Костик помучается. Мысли опять понеслись паровозом, Юлька одернула себя и стала планировать, что и как она скажет. По всему получалось, что сыграть равнодушие не получится, потому что из нее просто лезли всякие упреки, как фарш из мясорубки. Безудержно хотелось, чтобы ему стало стыдно, чтобы он осознал, раскаялся, бросился в ноги, в конце концов...

У входа в офис было пусто. На посту охраны ее никто не спрашивал и ничего для нее не оставлял. Прямо в дубленке она плюхнулась на стул и растерянно застыла. Тщательно продуманный план разговора не пригодился. Он не приходил. С решимостью самоубийцы она схватила телефонную трубку и набрала номер Костика.

– Алле, – ответил хриплый и заспанный голос. Его голос.

– Костя... – И пауза, что говорить, она не знала. Он спал и даже не собирался каяться. Молчание затянулось.

– Слушай, если тебе нечего сказать, позвони потом, мы спим. – И отчетливый ленивый зевок...

– Мыыыыыы?! – ахнула Юлька и отсоединилась.

Когда появился шеф, она так и продолжала сидеть одетая, в приемной даже не горел свет. Валерий Михайлович привык приходить по утрам в уже освещенное и обогретое помещение, поэтому довольно долго не мог нашарить выключатель. Когда свет наконец вспыхнул, он поднял голову, наткнулся взглядом на Юльку и вздрогнул.

– Юля? Вы что, ночевали здесь? – то ли он пытался шутить, то ли так растерялся.

– Здравствуйте, извините, сейчас сделаю кофе, – как робот, произнесла Юлька и пошла раздеваться.

Вешалка выскользнула у нее из рук и грохнула о дно шкафчика. Она резво подбежала к календарю и, шевеля губами, стала считать дни. Потом медленно вернулась, аккуратно повесила дубленку и опять застыла, глядя на большую круглую пуговицу.

«Так не бывает, – с отчаянием подумала она. – Бред какой-то. Нет. Только не это. Не хочу сейчас об этом думать, не могу...»

Уйти с головой в работу не получалось. Даже слегка погрузиться не выходило. Голова просто не работала, из рук все валилось. Шеф, которому она в очередной раз ответила невпопад, задумчиво смерил ее взглядом, открыл уже было рот, чтобы спросить что-то, но раздумал и ушел к себе.

«38 дней... Это похоже на диагноз». Но советоваться ни с кем не хотелось. «Надо ему позвонить и сказать, ведь это меняет все, – тупо соображала Юлька. И тут же отвечала сама себе: – А что это меняет – ни-че-го!»

День тянулся бесконечно долго. Внутренняя борьба, звонить – не звонить, переросла в неудержимое желание позвонить и все выяснить. Немедленно! Но в приемной постоянно толклись люди и не давали возможности решать личные вопросы. Наконец сотрудники угнездились в кабинетах, наступило затишье, и Юлька опять схватила телефонную трубку.

Костик бодро алектнул и тут же отчетливо досадливо вздохнул, услышав Юлькино «Привет, это я...». Она в этот момент судорожно решала: делать вид, что ничего не случилось? Но это же глупо... Или начать с места в карьер, тогда можно будет расставить все точки над «и». Победило второе.

– Ну и как это все понимать? Объясниться не желаешь? – максимально нейтральным голосом сказала Юлька. Руки бешено тряслись, и вообще весь организм основательно потряхивало, как при лихорадке.

Как выяснилось, объясниться Константин желал: «...Чтобы ты наконец поняла и перестала звонить». То, что последовало дальше, не могло присниться даже в самом кошмарном сне: Юлька узнала про себя столько всего, что сообщать Костику о задержке уже просто не имело смысла. То ли она выбрала неверную тактику, то ли это была судьба, толкавшая ее, как паровоз, по заранее проложенному пути, который скрывался за линией горизонта и вел в неизвестность.

Оказалось, что Юлька никогда не была нормальной женщиной, такой, какой должна была быть в понимании Кости: она не следила за модой, не была экстравагантной, не делала маникюр...

Она вдруг вспомнила, как на каких-то переговорах видела переводчицу с шикарными полированными ноготочками, после чего Юлька завалилась в ближайший салон красоты с единственной мыслью – сделать хоть раз в жизни вот такое же чудо на своих руках. Но, увидев цену, она вспомнила о том, что до зарплаты еще 11 дней, а денег осталось мало, занимать она принципиально не хотела, а Костя на свою стипендию купил компьютерные

диски со стрелялками. Так что красота оказалась не по карману. В памяти всплыло лицо Катюхи и ее сердитый, выговаривающий голос: «Ты обалдела, как можно так себя унижать, мужик должен зарабатывать! Мужик! А не ты... Не, рехнулась девка – альфонса завела. Да кошелек у мужика – вторичный половой признак, усвой это, а то так и будешь этого дармоеда до старости кормить!»

– Ты же не зарабатывал, – понесло ее оправдываться, хотя она понимала, что сейчас это уже бесполезно и глупо, – на какие шиши за модой-то следить!

Обида и оскорбленная гордость набирали обороты:

– Ты жил за мой счет: за квартиру, за еду, за трубки, за шмотки твои – за все платила я. Мне же по выходным работать приходилось, чтобы нам на еду хватало, чтобы ты, гад, соки себе свежие давил по утрам....

Только бы не заплакать, не заплакать...

– Во-во, – отреагировал Константин. – Ты только про деньги и думаешь, в тебе же ни грамма женственности, духовности...

– Какой духовности? У тебя совесть есть – ты же не духовной пищей питался, ты жратвы требовал.

Это была уже кухонная разборка, глупая и некрасивая, но Юлька не могла остановиться. Злость, отчаяние, обида. Сколько времени потрачено на этого... Господи, ведь не девочка уже. Так хотела устроить судьбу, родить ребеночка. Ну не было у нее любви никогда, ну поверила, что вот оно – чувство. Просто ей очень хотелось поверить. Была ведь счастлива, недолго, но была. И вот такой финал.

Костю тоже несло. То ли он не понимал, что говорит, то ли спятил:

– Ты на белье свое посмотри: как у бабки деревенской. Как будто у тебя куча детей и тебе не про эротику, а про сенокос думать надо. Пионерка, тоже мне. Да и в постели ты – не фонтан, бывает и получше...

Это была уже та грань, за которую ему заходить не следовало. Может, он проговорился, может, специально решил ее позлить, но в любом случае сделал он это зря.

– Да пошел ты!.. – рявкнула Юлька. – А ну выматывайся из моей квартиры, чтобы к вечеру духу твоего там не было, пускай тебя твои «получше» теперь содержат! Альфонс!

– С каких щей «выматывайся», – спокойно парировал Костик. – Квартира не твоя, мы ее снимаем, ближайший месяц оплачен, так что не понимаю, что за наезды.

Она вдруг почувствовала, что он улыбается: самодовольно, с превосходством. «Слепая я, что ли, была, как я не видела, какой он на самом деле», – обалдело подумала Юлька. Злость душила ее, но сделать было ничего нельзя, он был абсолютно прав: она даже ни разу не видела хозяйку, у которой они снимали эти «полукомнатные» апартаменты. Просто давала Косте деньги, а он расплачивался.

Совсем некстати вспомнилось, что у нее там вещи, и как их теперь забирать – непонятно. И задержка!.. С этим-то что теперь делать? На нее накатила такая усталость, такая безысходность.

– Значит, ты окончательно решил... – Юлькин голос предательски засипел и сорвался. Эмоции захлестнули невезучую в личной жизни секретаршу, и она с такой силой хрястнула телефонной трубкой об аппарат, что тот должен был расколоться. Но не раскололся. Он стоял, матово поблескивая бежевыми боками, на красивом офисном столе, между компьютером и принтером, в приемной а-ля «европейский стандарт». По экрану монитора периодически пролетала на помеле бабка-ёжка, подаренная Юльке на прошлый Новый год компьютерщиком Андреем и принятая ею сначала за вирус. Обычный телефонный аппарат, кусок пластмассы, набитый электроникой, только что разрушил Юлькину жизнь.

«Ах ты гад, ах ты гад...» – эта единственная мысль, как заезженная пластинка, на огромной скорости прокручивалась в Юлькиной голове. Никаких других мыслей не было: ни конструктивных, ни просто других. Никаких.

Звонкая трель вырвала ее из состояния ступора, рука автоматически потянулась к аппарату. Поднося к уху трубку, внутри которой что-то с шуршанием перекатилось, Юлька вяло отметила про себя, что, вероятно, она все-таки что-то в этом чертовом телефоне сломала. По ушам ударило гуденье Василия Степановича, занудного дядьки лет шестидесяти, у которого были какие-то дела с шефом. Юлька не любила его солдафонский юмор и постоянные натужные попытки пофлиртовать с ней.

– Юляша, здравствуй, – забубнил Василий Степанович. Вот под этот его бубнеж Юлька и начала медленно приходить в себя. Вежливо улыбаясь раненой трубке, она кивала головой, как китайский болванчик, и повторяла «да-да, конечно», «обязательно» и прочую дежурную вежливую ерунду. Отсоединившись, она с ужасом поняла, что абсолютно не помнит, о чем только что говорила и что именно успела пообещать.

Разговор с Василием Степановичем привел ее в чувство и основательно встряхнул отсутствием каких-либо воспоминаний о содержании самой беседы. Это нервировало и заставляло извилины судорожно шевелиться. Результатом активизации мозговой деятельности стало осознание факта, что в приемной она находится далеко не одна. Вальяжно раскинувшись в кресле, терпеливо ожидал аудиенции мужчина, выглядевший словно фотомодель из глянцевого журнала. Валерий Михайлович, которого всегда и всем приходилось ждать, обычно вылетал к нему из кабинета, долго витиевато извинялся и, радостно воркуя, утягивал этого красавца к себе. Остальные маринуемые в приемной визитеры такой чести не удостоивались: после многократных Юлькиных заглядываний и напоминаний, что у него назначена встреча, шеф наконец давал себя уговорить и с отчаянием бросал:

– Ладно, зовите!

Этот посетитель, представлявшийся всегда как «компания «Бриг», периодически появлялся в офисе последние полгода: квадратное лицо, которое офисные дамы с тихим повизгиванием называли «суперменским», широченные плечи и деловой костюм. Да, еще постоянно чистые блестящие ботинки, на которые Юлька иногда тупо пялилась во время его визитов, впад в производственный ступор от дикой усталости. Ей ни ботинки, ни их хозяин абсолютно не были интересны: просто точка, в которой сходилась усталый взгляд офисной «стахановки», неизменно оказывалась на этой матово блестящей обуви. Супермен. Так говорили девочки в офисе, а для него, учитывая нестандартную Юлькину систему координат и ее отношение к миру, это был приговор. Его не замечали. В приемной. Зато по коридору за ним всегда неслась восторженный шепот, и одиночные сотрудницы постоянно попадались ему на пути в узком коридоре, ведущем к выходу. Юлька же, привыкшая к тому, что противоположный пол ее не замечает, тоже перестала реагировать на внешние раздражители в виде мужской красоты и чищенных ботинок. Мужчины для нее были непостижимым подвидом, образовавшимся от женщин. Юлька любила ясность и четкость во всем: в словах, в делах и в отношениях. Все непонятное безжалостно изгонялось из ее жизни. Кроме Костика... Но и с ним теперь было покончено. Своим поведением он лишний раз доказал Юлькину правоту. Как это было обидно: именно в этом случае она оказалась права. Вот невезуха...

Вспомнив о молчаливом присутствии «компании «Бриг» в приемной, она резко залилась свекольным румянцем, переходящим местами в бледные пятна на щеках. Со всем этим вишнегретом на лице Юлька нырнула под стол, делая вид, что ищет какие-то бумаги, а на самом деле пыталась сообразить, что именно услышал визитер. Не то чтобы ее волновало чужое мнение, просто она привыкла переживать неприятности в одиночку, не привлекая общественность. А по всему выходило, что супермен слышал весь разговор.

Изогнувшись самым немыслимым образом, Юлька глянула из-под стола на посетителя и, к своему жуткому изумлению, обнаружила на его лице следы такого же винегрета чувств: то ли у него были свои проблемы, то ли его так смутило ее телефонное выступление.

Момент, когда красавец материализовался в приемной, нерадивая секретарша пропустила. Поэтому Валерий Михайлович пока пребывал в счастливом неведении о том, что его ждут. Решив исправить ситуацию, Юлька приподнялась на локтях, опершись на стул, ткнула кнопку внутренней связи и торжественно известила шефа:

– К вам компания «Бриг»!

После чего нарочито бодрым голосом гостеприимной сотрудницы спросила, выбираясь из-под стола: «Чай, кофе?» При этом в голове медленно ворочалась мысль: «А сколько же он тут уже просидел-то? Может, я того... опоздала со своей вежливостью...» Мысль была подлым образом оборвана поехавшим из-под нее стулом как раз в тот момент, когда страдала уже почти выкарабкалась наружу, и она, весело взмахнув ногами, окончательно рухнула к коробкам с документами, которые аккуратным штабелем стояли под рабочим местом.

«О-о-о! Замечательно, просто фантастическое везение!» – подумала она, открывая глаза.

Юльке были видны только начищенные ботинки, несущиеся со слоновьим топотом к ее лицу. Видимо, секретарский мозг основательно встряхнулся, поскольку первое, что пришло ей в голову при виде бегущих штиблет: посетитель сейчас поддаст ей как следует прямо в физиономию, за этим, собственно, и торопится. Мысль эта была настолько дикой и неожиданной даже для пострадавшего мозгового содержимого натерпевшейся за день Юльки, что она пришла в себя. Сработал инстинкт самосохранения, подбросивший ее в полувертикальное положение, дабы встретить опасность как минимум не в беспомощном лежачем состоянии. В связи с чем она повторно ударила головой о внутреннюю поверхность столешницы и перестала трепыхаться: день не задался с самого утра, хуже уже не будет, потому что – хуже не бывает...

Супермен, как выяснилось, бить ее не собирался. С каким-то невнятным бормотанием, имевшим явно жалостливые нотки, он начал выгребать ее из-под стола. Рабочее место было узким, мужик широким, соответственно процесс усложнился и затянулся. К тому же Юлька чувствовала себя, как студень, который забыли на ночь убрать в холодильник, то есть практически перешла даже не в желеобразное состояние, а в текучее. За этой жизнерадостной возней их и застал шеф. Сначала он, как обычно, вылетел в приемную с распростертыми объятиями и счастливой улыбкой на лице, но, увидев пустые кресла, повернулся к тому месту, где обычно сидела прилизанная и ненакрашенная секретарша, всегда такая исполнительная и корректная...

Теперь уже шеф приобрел свекольное свечение в лице и затоптался на ковре, не зная, как реагировать на происходящее.

Валерий Михайлович был толстеньким, как колобок, и маленьким. Здоровенный монитор на Юлькином столе мешал ему оценить масштабы и суть происходящего. Поэтому он был вынужден импровизировать на ходу, пытаясь выровнять ситуацию, плавно переходящую в форсмажор. Получилось неудачно: «А-а-а, Юлечка, вы опять упали». Сказано это было нарочито обиденным тоном, отчего звучало еще глупее. По всему выходило, что Юлька часто сваливается под стол. Такая вот рядовая рабочая ситуация! Это никак не вязалось с имиджем компании. Шеф понял промашку и замолк, застыв посреди приемной, как памятник.

Юлька, водруженная на стул сильными руками представителя компании «Бриг», медленно приходила в себя, даже не пытаясь разрядить обстановку и поддержать благое начинание любимого директора.

Спаситель, в свою очередь, смущенно переминался рядом, не зная, как вести себя в подобной ситуации. По всему выходило, что он не часто вынимает девушек из-под стола.

– А... э-э-э... Заходи! – наконец-то нашелся шеф и описал руками в воздухе некую гостеприимную кривулину, очерчивавшую путь гостя от стола до дверей начальственного кабинета.

Юлька же, почувствовавшая настоятельную необходимость немедленно остаться в одиночестве и осмыслить хотя бы часть сегодняшних событий, небрежно поддакнула: «Да-да, идите!» Получилось, что она их обоих великодушно отпустила своим царственным решением. Шеф с суперменом немедленно умелись в кабинет, а Юля наконец-то осталась одна.

Мысли путались и не желали выстраиваться в любимую Юлькой логическую цепочку. Костик ушел. Не просто ушел, а еще и высказал свои соображения, накопившиеся за недолгое время их совместного проживания. По всему получалось, что она – генетический урод, не имеющий права называться женщиной. Это было обидно. Не просто обидно, а чрезвычайно обидно. Юлька уже видела себя в белом свадебном платье, мечты завели ее так далеко, что она стала выискивать в Интернете магазины, торгующие детским приданым, и даже выбрала очаровательную кроватку... Костик был таким понятным, таким простым, таким идеальным, почти... Она так гордилась им: не пьет, не курит, любит ее, как никто никого никогда не любил. Девчонки скептически хмыкали и искали дефекты, упорно пытаясь открыть ей глаза на его недостатки. «От зависти», – думала Юлька и продолжала строить в мечтах свой песочный замок. Крыша которого сегодня и обвалилась ей на голову.

День заканчивался. Вопросов и проблем только прибавилось, точки над «и» расставлены, но ситуация не прояснилась.

Надо было решать проблемы по степени их важности. Сначала в консультацию. До конца рабочего дня оставалось еще полтора часа, но она встала, оделась и вышла. Что подумает Валерий Михайлович, не увидев секретаря на рабочем месте, ее не волновало. О нем она думала меньше всего. То есть вообще не думала. Она жила на автопилоте. Тихо шифром шурша, крыша едет не спеша...

* * *

В консультации ее приняли платно, а потому невероятно быстро. Регистраторша, посмотрев на ее перевернутую физиономию, заполнила карточку и отвела в кабинет мимо очереди, которая тут же недовольно зашипела.

Из дверей консультации она просто выпала. На голову сыпался противный мелкий снег и тут же таял. Сколько раз Юлька представляла себе этот радостный момент, как она скажет ему... Нет, не думать об этом, нельзя, не надо... Рыдания, которые она сдерживала, наконец прорвали плотину Юлькиных тщетных усилий, и у нее началась самая настоящая истерика. Так голоса по умершим. И ей казалось, что она уже умерла. Ее нет, есть только этот снежный ком проблем, который подмял ее под себя и остановился.

Если бы она утром не накрутилась, планируя произвести на Костика неизгладимое впечатление, то сейчас ее лицо было бы просто опухшим. Но она решила предстать перед изменником при полном параде, поэтому теперь тщательно нанесенный утром макияж превратился в боевой раскрас индейца, идущего по тропе войны. Тропа привела ее на работу.

По счастью, в коридоре ей попалась навстречу бухгалтер Танечка, которая охнула и шагнула в сторону, не узнав в полутьме Юльку.

– Что, – равнодушно спросила Юлька, оставившая у консультации вместе со слезами все силы и эмоции, – такая страшная?

– Ну что ты, – заволновалась Танечка, – лампочку не могут сделать, безобразие... Ты, э-э-э-э... умылась бы...

Даже в полутемном коридоре было видно, как Танечка покраснела от своей бестактности.

Юлька зашла в туалет и глянула в зеркало. Оттуда на нее уставилось нечто.

– Мда. – Юлька смыла все, что смогла. Осталась просто красная пятнистая физиономия. – Бомжиха. Ну и ладно.

В приемной было пусто. Похоже, шеф так и не узнал, что она уходила: отряд не заметил потери бойца...

Подперев голову ладошками, Юлька попыталась понять, что случилось и что с этим делать. Но думать не получалось. Лезли на ум всякие глупости, в частности, единственное золотое колечко, скромненькое, подаренное мамой на двадцатипятилетие, оставшееся в ТОЙ квартире, второй костюм и блузки, тоже висевшие в шкафу ТАМ. Но разбираться с этой проблемой сейчас она не могла. Надо было решать вопрос с ночевкой. Если прийти к Аньке второй раз, то придется все-таки объяснить, в чем дело. А может быть, и пора? Нужен был совет, а кто, как не дважды замужняя Анька, сбросившая свои рога еще четыре года назад, мог этот самый совет дать. Надо идти сдаваться.

Рабочий день все никак не заканчивался. Как только наступили заветные 18.00, Юля пошла к шефу прощаться.

– До свидания? – как обычно, вопросительно сказала она, что подразумевало следующее: она прощается и одновременно интересуется, не надо ли чего. Слава богу, ничего не надо было. Про отлучку Валерий Михайлович смолчал. Супермен, оказывается, все еще сидел у него и шуршал какими-то бумажками, раскладывая из них на длинном директорском столе замысловатый пасьянс.

Шеф кивнул, и Юлька отправилась плакаться Аньке. Пока она подпрыгивала на ледяном тротуаре, высматривая в сумерках свою маршрутку, ей вдруг четко представилась картина, как она на темно-синем «Вольво» проезжает мимо Костика, мерзнущего на остановке. За рулем «Вольво» сидит супермен, на заднем сиденье лежит охапка роз... Маршрутка пролетела мимо, даже не остановившись. Как всегда, надо тащиться к кольцу, час пик, мест нет.

«Не могу», – подумала Юлька и стала ловить частника. Остановился потрепанный «жигуленок» с не менее потрепанным дядькой за рулем. Принца рядом не оказалось. Жизнь – не кино, а как хотелось бы...

Аня выжидательно смотрела на подругу, в глазах застыл вопрос. Наевшаяся Юлька (и откуда только аппетит взялся, хотя из-за всех этих переживаний она и пообедать-то забыла) поняла, что пора все выкладывать. Она даже не могла разобраться: хочется ей делиться с Анькой своим горем или нет. Вместе с сытостью пришла апатия. И Юлька рассказала все.

Подруга не перебивала, только изредка задавала уточняющие вопросы. Когда рассказ, перемежаемый жалобами и упреками, был закончен, она некоторое время сидела молча, а потом сразу перешла к главному:

– Ну, Костик – фиг с ним, не было мужика – и это не мужик. С ребенком что?

Что с ребенком, Юлька не знала. Она старалась об этом не думать. Словно угадав это, Аня сказала:

– Не жди, не рассосется. Давай решать, пока не поздно. Пять недель – это не смертельно, но шевелиться надо быстрее.

Анна, как всегда, настроена была решительно: сначала дело, а потом эмоции. Эмоции – это Костик и все с ним связанное, а дело – это то, что уже внутри Юли целых пять недель.

То, чего она так ждала, получила, когда совсем отчаялась, и вот теперь была абсолютно не рада этому обрушившемуся на нее счастью.

Шевелиться быстрее не хотелось, шевелиться не хотелось вообще. Если бы можно было исчезнуть, раствориться и зависнуть в небытии... И ни о чем не думать. Груз ответственности, который Юлька всеми силами пыталась от себя отпихнуть, наваливался и требовал активных действий. Было два пути, абсолютно противоположных. Выбор был, но какой! Можно пойти к знакомому врачу и решить вопрос за полдня, а потом тихо страдать и забывать свою первую и последнюю любовь. Или не ходить никуда, совершить поступок, как в кино: родить, вырастить. И вот Костик, побитый временем, как старая шуба молью, подходит к ним с сыном на улице, узнает, бросается на колени, а она говорит: «Это не твой сын!» – и уходит за горизонт... 154-я серия... Продолжение следует... Москва слезам не верит. Полный бред. Но аборт... Это же убийство. Похоже, что последнюю мысль она выдала вслух, поскольку Анна, долго терпевшая фазу Юлькиной задумчивости, довольно резко сказала: «А так ты свою жизнь угробишь. Без мужа, с ребенком! Алиментов от твоего убогого не дождешься, жизнь с ребенком устроить намного сложнее. Тебе же, дуре, даже жить негде. К маме пойдешь?» Юлька вздрогнула. Про родителей она забыла. Моральные терзания напрочь выбили почву из-под ног, про материальные моменты она как-то не подумала.

– Ну и что. Комнату сниму, без памперсов обойдусь, куплю все бэушное...

– Заткнись, – перебила Анька. – Ты совсем уже ничего не соображаешь. Ты что, на какие деньги ты комнату снимешь, балда!

– Так работать пойду...

– Ага, прям из родилки и давай, – Анька нервно закурила. – Не зли меня.

– Я до последнего буду работать, потом два месяца отлежусь, ребенка – в ясли и на работу опять. Комнату сниму поближе к офису, чтобы раньше забирать...

– Видишь, кастрюля стоит? – неожиданно спросила Анька.

– Ну.

– Гну! Я тебе ее сейчас на голову надену, идиотка! Приди в себя наконец. Кто тебе сказал, что у тебя будет нормальная беременность? А если ты, как я, шесть месяцев на сохранении отлежишь, а если с ребенком не дай бог что... Да кто его у тебя в два месяца в ясли возьмет, с полутора лет только, спустишь на землю!

– Няни есть, бабушка... – сказала Юлька и осеклась, представив лицо этой самой бабушки.

– Ага, – подхватила подруга, – давай бабулю порадуем, а то она еще не в курсах, какое счастье обвалилось! Ладно бы от мужика нормального, так ведь нет – от Костика! Насколько я помню – маман твоя от него не в восторге, поправь меня, если я ошиблась!

– Няня, – уперлась Юлька.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему нынче няни на рынке труда? Не просветишь меня, темную?

– Можно узнать, обзвонить агентства, – Юлька почувствовала себя в родной стихии: уж что-что, а собирать информацию по телефону она умела профессионально.

– Не можно, – рявкнула Аня. – Баксов триста как минимум!

– Да брось ты, – не поверила Юлька, – бред! Нет таких цен.

– Это в конторе твоей таких зарплат нет, а люди уже давным-давно деньги зарабатывают, а не за еду вкалывают! Рабыня Изаура!

– Можно прибавку попросить, шеф поймет, он мужик хороший...

– Ну-ну, и будет в восторге от беременности своей секретарши. Давай, рули к нему завтра. Ох, хотела бы я на его лицо посмотреть, когда ты ему об этом скажешь!

– Что делать-то? Чего ты орешь, нет бы посоветовать что-нибудь, развопилась! – Юлька почувствовала, что сейчас заревет. Аня тоже это поняла и сказала:

– Сейчас звоним доктору, договариваемся с ним на завтра – и все. Потом будем устраивать твою личную жизнь.

– С «ним»? – обалдела Юлька, пропустив мимо ушей угрозу о грядущем устройстве ее личной жизни. – Так он еще и мужик?! Нет, я не пойду, к женщине пойду, а к мужику – нет!

– Он не мужик, а гинеколог – почувствуй разницу. Все!

– Мне на работу...

– К врачу! – оборвала Анна. – Все! Конструктивного разговора с тобой все равно сегодня не получится. Иди спать, завтра день тяжелый.

День и правда был тяжелый. Голова болела ужасно: Юлька всю ночь не спала. Ей чудился малыш, которого уже не будет. Он улыбался, тянул к ней ручки и лопотал что-то на своем смешном детском языке.

«Аборта не будет, – решила Юлька. – Чего бы мне это потом ни стоило. Ну и что, что он от Костика, это мой ребенок, только мой. Он не виноват, что я выбрала ему такого отца. Я ошиблась, мне и отвечать. – Юльку потянуло на пафос, которым она пыталась заглушить страх. Уверенности не было ни в чем. Было страшно рожать, но не рожать было еще страшнее. – Убить собственного ребенка, да на что она меня толкает – ни за что! Аньке хорошо, не ей выбирать», – подумала Юлька и тут же устыдилась своих мыслей.

Аньке не было хорошо. Не было и уже никогда не будет. И выбора такого у нее не будет. Никогда. Эта тема была табу и никогда подружками не обсуждалась. По мотивам ее жизни вполне можно было бы снять какую-нибудь «Санта-Барбару» местного масштаба. На первом курсе института Анька выскочила замуж за первого красавца курса. Каким образом он на нее повелся, было не ясно. Особой красотой она никогда не отличалась, но зато была умная. Весь курс списывал у нее задачки, подруги бегали к ней за советом. И еще: Анька считалась перспективной. Было ясно, что такого экономиста работодатели будут рвать друг у друга из рук. Так и произошло. Но это случилось уже потом, много позже. А на первом курсе было скоропалительное замужество и гордость обладания таким Тарзаном. Таким ухажером не могла похвастаться ни одна девчонка из Аниной группы. На улице прохожие тетки сворачивали шеи, глядя ему вслед. Володя это знал, отчего самооценка его просто зашкаливала. Парень он был хороший, компанейский. С ним всегда было весело: полное отсутствие комплексов сильно облегчало ему жизнь и позволяло не отвлекаться на мелочи. Институтские преподаватели, большинство из которых было дамского пола, ставили ему зачеты автоматом. Его женитьбу на Аньке не обсуждал только ленивый. При этом надо было ее видеть: высокая худощавая брюнетка с зычным голосом, в учительских очочках, с коротким хвостиком – натуральный синий чулок. Это сейчас, работая финансовым директором в солидной фирме, она имела личного визажиста и выглядела соответствующим образом. А тогда... Она даже на свадьбу приперлась в джинсах и рубашке, чем вызвала волну недовольства среди Вовкиных родных. С Аниной стороны были только друзья: мама у нее умерла, когда Анька еще училась в школе, а отца она никогда не видела. У молодого мужа, наоборот, была большая семья. Вся его родня была, как Вовка, – кровь с молоком. Все как на подбор: нарядные и в золоте. Пестротой одежек, блеском украшений и говорливостью они напоминали небольшой цыганский табор. Правда, от цыган их отличала абсолютная белобрысость. Единственный, кого это не портило, был молодой жених. Анька пресекла выпады в свою сторону сообщением, что «ее красоту тряпками не прикроешь». Молодую не поняли, но роптать перестали.

Скороспелая Анькина любовь улетучилась, как дым, после совместной поездки за город с друзьями. Ехали на электричке, было скучно, и компания развлекалась популярной интеллектуальной игрой в ассоциации. По цепочке произносили слова по ассоциации, суть

была в том, чтобы говорить не задумываясь: баня – веник, веник – лес, лес – поляна, поляна – цветы, цветы – любовь, любовь – дети, дети – грязь... Это очередь дошла до Вовчика. Все рассмеялись, а Анька оторопела. Она вышла в тамбур, Вовка пошел за ней:

– Ты чего ушла?

– Почему дети – грязь, что за бред? Как это понимать?

– Ну, не знаю... Что за глупости, ты что, обиделась? Ерунда какая...

– Нет, не ерунда! Почему дети – грязь?

– Да потому, – сорвался Вовка, – они только пачкают и портят все. Что пришло в голову, то и сказал! У тебя что – критические дни, чего цепляешься-то?!

– А что, наши дети у тебя тоже будут такие же мысли вызывать?

– Ка-какие дети? – проблеял новоиспеченный муж. – Ты что, залетела?

– А что? – пошла в атаку Анька. – Тебя это удивляет? Ты не знал, от чего появляются дети, не знал, зачем люди женятся?

– Да будут у нас дети, не ори, – попытался пойти на мировую Володя. – Только позже. А сейчас ты это, сходи к врачу, не поздно же еще, наверно, а? – с надеждой спросил он.

– В смысле: ты меня на аборт посылаешь, так? – резюмировала Анька.

– А чего ты на меня орешь, ты меня спросила, хочу ли я ребенка? Не хочу! Поняла? Я вас содержать не собираюсь, сначала надо на ноги встать, а потом уже спиногрызами обзаводиться. Решила она, понимаеть...

– Решила, – припечатала Анька.

На этом и закончилось ее первое замужество. Никакой беременности, конечно, не было. Но реакция любимого человека показала его изнанку, которая Аньке не приглянулась. С такой стороны она его еще не видела. Посмотрела – ну и замечательно. Лучше раньше, чем позже. На ошибках учатся. Уж что-что, а учиться Анька умела.

В следующий раз замуж она вышла, все тщательно обдумав. Андрей был положительным почти со всех сторон, крупный дефект у него имелся только один – мама. Мама любила его до безумия. Ее постоянное присутствие в их семейной жизни отравляло существование по утрам, вечерам и выходным. Свекровь жила с ними: на семейном совете сразу после свадьбы было решено съехаться, поскольку Мария Сергеевна была уже старенькая и больная (ей было пятьдесят два года, и она периодически впадала в депрессию, так назывался ее тяжелый недуг). Кроме того, молодые постоянно были на работе, а за хозяйством кому ж следить? К слову сказать, после того как из Анькиной двухкомнатной и их однокомнатной получилась шикарная трехкомнатная квартира и они зажили дружной счастливой семьей, немедленно выяснилось, что у мамы свои представления о хозяйстве. Оказалось, что следить она собиралась не за хозяйством, а за домработницей, которую Анька должна была немедленно нанять. Молодая невестка удивилась, но требование новоиспеченной свекрови выполнила, благо зарплата позволяла. Далее выяснилось, что маме требуются деньги на некие карманные расходы, которые существенно опустошали семейную копилку. Аня была тогда молодой и неконфликтной, а посему не возражала.

То, что невестка ей не нравится, Мария Сергеевна не скрывала. Андрюшенька, конечно же, заслуживал совсем не такую жену. Но ради счастья сына она терпела. О чем и сообщала ему постоянно громким шепотом, подмечая все Анины промахи, критикуя ее манеру одеваться, говорить, краситься и прочее. Любимым развлечением «старушки» был совместный просмотр телевизора. Хотя Анька, уже тихо зверевшая от наличия в помещении любимой свекрови, купила ей персональный «Панасоник», дабы мама могла смотреть свои бесконечные сериалы отдельно, Мария Сергеевна продолжала тихую борьбу на всех фронтах. Она перебиралась в гостиную и садилась на диван, встречая толстым задом между Аней и Андреем, в результате чего диван по центру проседал и молодые наваливались на нее с двух сторон. Аня изо всех сил пыталась сохранять вертикальное положение и сидеть, не касаясь

свекрови, поэтому уже через несколько минут у нее от напряжения начинали болеть мышцы спины, а от злости стучало в висках. Мама же, угнездившись перед экраном, начинала комментировать то, что видела. В основном все ее замечания сводились к следующему:

– Ох, ты посмотри, Дрюнечка, какая у девочки фигурка. Боже, какие формы! – как старый ловелас пузырилась свекровь. И тут же, якобы спохватившись, всем своим мощным корпусом поворачивалась к Аньке и сладким голосом тянула: – Ну ты, Анюточка, не расстраивайся, не всем же красавицами быть – зато ты умная!

Почему Аня все это терпела, оставалось загадкой. На работе она была жестким и бескомпромиссным сотрудником, ее побаивались и уважали. Каким образом свекровь умудрялась, ведя себя таким образом, не попасть Аньке под горячую руку, было непонятно.

Все закончилось внезапно. После долгого лечения Аня наконец забеременела. Андрей был вне себя от счастья и даже пытался ставить мамашу на место, когда та позволяла себе выпады против его беременной жены. Но унять Марию Сергеевну было не так-то просто.

Беременность была тяжелой, уже на третьем месяце пришлось лечь на сохранение. Как шутила тогда Анька: «Зато свекровь любимая далеко – во всем надо искать свои плюсы!»

Месяц за месяцем она лежала в клинике, из которой ее не выпускали. Лечащий врач сказал, что ей надо выбирать между карьерой и ребенком. В ее положении медицинское наблюдение должно было быть круглосуточным. Анька выбрала ребенка. Андрей приходил сначала ежедневно, гладил животик, смотрел карту, говорил с врачом. Потом стал ходить через день, потом еще реже. Анька нервничала, но оправдывала его: ну не сиделка же он, в конце-то концов! До родов оставалось совсем немного, ее рапирало счастье: она станет мамой, на фоне этого блекли любые проблемы и неприятности. Ей хотелось думать только о хорошем. На тумбочке лежала целая стопка детских книг, которые она читала вслух, поглаживая свой огромный живот. Там был мальчик. Ее мальчик. Иногда от счастья наворачивались слезы, особенно когда он начинал тихонько толкаться.

Но однажды пришла свекровь. Она еще не появлялась ни разу, и Анька напряглась. Приход «любимой» мамы не сулил ничего хорошего.

Обронив сухое «здравствуй», Мария Сергеевна уселась рядом с кроватью, на которой лежала Анька. Ей опять нельзя было вставать, что-то было не так, и врач настоял на полном покое.

Посидев некоторое время с поджатыми губами, свекровь сказала:

– Не буду ходить вокруг да около. Ты должна понимать, что никогда не подходила Андрею. Вы слишком разные, надо было искать по себе. Не смей его ни в чем обвинять.

– Вы о чем? – помертвев, спросила Аня. Мысли путались, началась жуткая резь в животе. Какие-то смутные догадки мелькали в голове, как сквозь сон она слышала про то, что у Андрея другая «девочка», «из хорошей семьи, воспитанная...».

– Убирайтесь вон! – закричала она из последних сил и потеряла сознание.

На ее крик прибежала медсестра, засуетилась, вызвала доктора, но ничего этого Аня уже не видела.

Очнувшись, она застонала. Во рту было сухо, болел низ живота, тело не слушалось. Аня с трудом разлепила глаза и увидела капельницу. Прозрачная трубочка тянулась к руке. Она опустила глаза: живота не было, одеяло лежало на плоском теле без намека на беременность. Рядом с кроватью стояло прозрачное корытце, в котором лежало аккуратно сложенное байковое одеяльце. Аня попыталась позвать кого-нибудь, но голоса не было. Она пошевелила рукой. Тут же рядом с ней возникла медсестра и, старательно отводя глаза, затарахтела:

– А вот сейчас подушечку перевернем. Губки вот смочим. Не хотите ли чего?..

Аня хотела только одного: узнать, где ребенок. Она пыталась поймать взгляд девушки, но медсестра постоянно отворачивалась. Она смотрела куда угодно, только не на пациентку,

и постоянно болтала, не давая вставить ни слова. Анька похолодела. Она и хотела, и боялась спросить. Хлынули слезы, тело затрясло, как в ознобе.

– Ой, не будем плакать, не надо, сейчас доктор придет, и все будет хорошо. – Медсестра убежала. Буквально через минуту появился доктор. Он тоже отводил глаза. У Аньки уже начиналась истерика, это неведение было настолько невыносимым, что хотелось заорать на них, схватить за грудки и тряхнуть...

– Анна Николаевна, – наконец выдохнул доктор, – к сожалению, ребенка спасти не удалось...

Через три недели подруги встречали ее у дверей клиники. Все молчали, потому что никто не знал, что говорят в таких случаях. Девочки так и не решили, как себя вести. Аня шла к ним из глубины коридора: бледная, осунувшаяся, с сумкой на плече. Она улыбалась! У девчонок отлегло: хотя было страшно, чему она могла улыбаться после случившегося. Выйдя на крыльцо, она сказала:

– Не смейте меня ни о чем спрашивать и делать постные морды. Тема закрыта. Ну, какие новости? А то я выпала из жизни, пора возвращаться.

С тех пор эта тема была табу. Единственный раз, когда Анька позволила себе заговорить об этом, случай с Катюхой, очередная ее любовная драма. Она сидела на Аниной кухне вся зареванная и требовала совета: Катерина забеременела от очередного кавалера, который был безнадежно женат. Решали дилемму: рожать – не рожать. И тут Анна выдала:

– Лучше вообще не иметь ребенка, чем пережить его потерю. Я больше никогда не буду носить в себе чужую жизнь, слишком большая ответственность и слишком страшная утрата.

Лицо ее заострилось, глаза заблестели предательской влагой. На кухне повисла тишина, никто не решился спорить, хотя доводы имелись. Анькина модель мира была ясна. Она, безусловно, в глазах девочек была ошибочной. Но мать, потерявшая ребенка, имела право на свое мнение. Она имела больше прав, чем кто-либо из сидящих за столом.

Анька вообще была непредсказуемой и оригинальной. Ее поведение не укладывалось ни в какие рамки.

Разведясь с Андреем, у которого, к слову сказать, с той самой «девочкой» ничего не вышло, Аня попыталась поделить жилплощадь. Но бывший муж под предводительством мамы выдвинул невероятные финансовые претензии и затребовал себе двухкомнатную квартиру, объяснив, что Аня одна, поэтому ей полагается однокомнатная, а их с мамой двое, они разнополые, посему им положена по закону двухкомнатная. О том, что до объединения площадей у Ани имелась двухкомнатная квартира, уже никто не вспоминал. У нее было достаточно средств, чтобы купить себе отдельные апартаменты, но она заняла позицию: я не злопамятная, отомщу – и забуду. И осталась жить с бывшим мужем и его мамой. Жизнь перековала Анечку в злобную стерву, и теперь уже Андрей с Марией Сергеевной были бы и рады разъехаться, да Анька возражала. По прошествии четырех лет после трагедии отношения жильцов перешли в стадию вооруженного нейтралитета, и Аня уже подумывала закончить эксперимент с отмщением и съехать, предварительно продав свою часть отсуженной жилплощади. Она была бы не она, если бы после всего не оставила своих обидчиков в коммуналке. Последние несколько месяцев Аня подыскивала покупателей. В идеале это должна была быть большая восточная семья, но пока таковая не попадалась.

В общем, переть против Анны было бесполезно. Все задуманное она тщательно воплощала в жизнь, сметая все преграды на своем пути.

Приняв судьбоносное решение ничего не говорить подруге, а сказать все врачу, Юлька вышла на кухню.

– Надо сфотографироваться до аборта, – выдала Анька. – Пока рожа нормальная, а то потом может уже и не получиться. Останется от твоей красоты одно воспоминание!

– В каком смысле? – оторопела Юлька. – Куда фотку – на могилку, что ли?

– Да. Дурость твою и безнадзорность хороним. Теперь я за тебя возьмусь, давно пора было. Давай шевелись! Придется нам сегодня своим ходом, моя машина в ремонте.

Наспех выпив кофе, они понеслись куда-то. Куда – Анька знала, а Юлька нет. Она так устала от подружкиной напористости, что решила не пререкаться: беречь нервные клетки. Их после вчерашнего и так почти не осталось.

Оказалось, их ждали в косметическом кабинете. Вышла оттуда Юлька, осторожно неся лицо: такой красивой она себя еще не видела. Это было даже не ее лицо, а чье-то чужое, но потрясающее, как с обложки глянцевого журнала, которые Юлька, кстати, никогда не покупала.

Маршрутка была полупустой. Тетка, сидевшая напротив, обалдело таращилась на подруг, переводя взгляд с одной на другую. Они и правда были довольно колоритной парой: взлохмаченная, бледная Анька и павлинообразная лицом Юлька: макияж был сделан в расчете на фотографию, а никак не на поездку в общественном транспорте. В зеркальце заднего вида периодически мелькал настороженный взгляд водителя. Юлька не выдержала и состроила ему глазки. Машина вильнула, и подруги чуть не рухнули в узкий проход между креслами. Юлька погрозила водиле кулаком: не хватало еще размазать о грязный пол эту нечеловеческую красоту.

Через полчаса она принимала разные позы, наклоняла голову то вправо, то влево, сидя на крохотном неудобном стульчике перед плешивым фотографом. Чудо-мастер был неопределенного возраста, с серьгой в ухе и в чудовищно мятой рубашке. Юлька вдруг подумала, что теперь каждого представителя противоположного пола мысленно оценивает: подходит – не подходит. Для чего именно подходит, она еще не поняла, но оценки уже ставила. И ждала. Хотя в ее положении ждать уже было нечего. Дождалась.

Гинеколог, как оказалось, принимал в «евростандартовском» центре. Все было красиво, явно дорого, но почему-то бесплатно. Аня сказала, что разберется сама, и Юлька решила не забивать голову еще и этими проблемами. Разберется – значит, разберется.

Слава богу, Анька осталась снаружи. Спасибо и на этом. Доктор оказался импозантным дядькой лет пятидесяти. Если бы Юля встретила его на улице, то могла бы заподозрить его во владении любой профессией, кроме гинеколога. Но тем не менее это был именно нужный ей в данный момент доктор.

Он посмотрел на раскрашенную умелым косметологом Юльку с некоторым удивлением, но ничего не сказал и приступил к работе.

После долгого осмотра врач усадил ее в мягкое кожаное кресло, в котором Юлька сразу почувствовала себя богатой клиенткой и даже закинула ногу на ногу, войдя в роль.

«Наверное, надо было сразу сказать, что я не на аборт», – мелькнуло у нее в голове. Но Юля была настолько подавлена роскошью кабинета, что так и не смогла найти подходящий момент, чтобы сообщить правду.

– У вас очень сложная ситуация, – начал он издали. – Дело в том, что Анна рассказала мне суть вашей проблемы, но есть одно но. Мы, конечно, сделаем, как вы решите, но... эта ваша беременность – чудо... – Дальше Юлька уже не понимала ни одного слова, кроме того, что она вообще не могла забеременеть, что у нее был один шанс из тысячи, и она его использовала. Второй раз это уже будет невозможно. И вообще счастье, если она сможет выносить этого ребенка.

По щекам потекли слезы, это были слезы облегчения и радости: там, наверху, с нее сняли тяжелейший груз, самый важный в ее жизни выбор за нее уже сделали. Решать было нечего. Все решено.

Врач неправильно понял ее слезы, заволновался, но Юлька с дурацкой улыбкой, которую она никак не могла убрать с лица, уже пятилась к дверям.

Вывалившись в коридор, она прислонилась к стене. Глаза ее лучились радостью и какой-то невероятной нежностью.

– Ты чего? – подбежала Аня. – Где карточка?

– Там, – Юлька махнула рукой в сторону двери, мягко чпокнувшей у нее за спиной под напором пружинного механизма.

– Блин, жди меня тут, – Анька заскочила в кабинет.

Вышла она только минут через десять. Юлька уже сидела на пухлом кожаном диване, продолжая неизвестно чему улыбаться. Аня присела рядом, устало опустив на колени руки, сжимавшие красиво оформленную карточку.

Покосившись на Юльку, она вздохнула и сказала:

– Значит – судьба. Пошли думать дальше. – Она взяла подругу за руку и потянула к выходу.

Они опять сидели у Аньки на кухне. На плите булькали пельмени. Подруги составляли план действий. Юлька настаивала на том, чтобы не говорить Костику об отцовстве.

– Желаете красивого финала, – злилась Анька. – А про деньги ты подумала? С паршивой овцы – хоть шерсти клок: он не сможет, пусть предки его платят. Как сделать ребенка – пожалуйста, а как растить – в кусты.

– Да он не в кусты, он же вообще не знает, – пыталась заступиться Юлька.

– Ты это чего, защищаешь его, что ли? Мало он тебе в морду плюнул, мало нахлебалась, или надеешься, что он, если про ребенка узнает, прибежит? И не мечтай. Он побежит, только в другую сторону!

Юлька не хотела его возвращать, она вообще периодически забывала о нем. Обида отошла на второй план. Она прислушивалась к ощущениям внутри, там ничего такого еще не чувствовалось. Пока не чувствовалось. Костика она теперь боялась: чувство счастья, подаренное ей судьбой, наконец наполнило ее всю, смешавшись с горечью обиды и потери, и Юлька не желала делить с ним эту радость. Это был только ее малыш. Ей просто не хотелось, чтобы у ее ребенка был такой отец. Да и не в отцовстве было дело. Она уже начинала осознавать себя матерью и заранее ревновала своего маленького родного человечка ко всем.

Аня вернула ее с небес на землю:

– Пора сообщать бабушке, или ты хочешь сделать ей сюрприз и явиться на девятом месяце? Давай обсудим канву разговора, чтобы под давлением маминого авторитета ты мысли не растеряла.

Анька вдруг улыбнулась очень мягко, по-женски, торопливо вытерла блеснувшую слезинку и сказала оторопевшей Юльке:

– Ты роди его, слышишь, роди! Это должен быть мальчик. Мальчик... – Она вдруг вскочила и выбежала из кухни.

Юлька застыла на колченогой табуретке: как она не подумала, каково Ане заниматься ее половыми проблемами, тумба бездушная. Подруга была всегда такой сильной, независимой, что жалеть ее просто не приходило в голову. Из ступора ее вывел запах подгоравших пельменей и треск умирающей на огне кастрюльки.

Аня вернулась и как ни в чем не бывало начала распекать зазевавшуюся Юльку:

– Господи! Ну какая ты мать, ты же даже пельмени сварить не можешь. За тебя люди уже все сделали, надо было только закипятить и поддержать пять минут на огне, – начала она цитировать условия приготовления пельменей с упаковки.

– Это ты их варила, а не я, – возмутилась Юлька.

– А чего мне их варить, – парировала Анька, – они сами варятся.

Пререкались они недолго, решив сварить оставшиеся в пачке пельмешки в другой кастрюльке, а эту торжественно похоронить. Восстановлению она не подлежала.

Когда ужин был готов и первая ложка уже практически была во рту, Юльку словно током ударило.

– Аня! – страшно вытаращив глаза и побелев, выдала она. – Я же сегодня работу прогуляла! Кошмар! Катастрофа!

– Господи, как ты меня напугала, – сказала Анька, продолжая спокойно орудовать ложкой. – Да не переживай, отпросила я тебя. Давай лучше о деле. Работа не волк, а убежит – туда ей и дорога. Я тебя найду куда пристроить.

По разработанному тем же вечером плану Аня должна была со своим знакомым стоматологом Гошей посетить квартиру, где проживал Костик со своей новой пассией, и забрать Юлькины вещи. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, учитывая тот факт, что именно сегодня Гоша маялся от безделья, решено было ехать немедленно.

Юлька пыталась составить список своих вещей, но не могла сообразить, поскольку Анька жутко мешала, поминутно спрашивая:

– Ну? Все? Чего ты копаешься...

– Надо же все точно описать, вдруг ты чужое прихватишь, – оправдывалась Юлька.

– Посмотрите на нее – какая честная, держите меня четверо! И прихвачу! Не фига тут из себя порядочную корчить!

Когда Юлька закончила свой опус, пронумеровав строчки до девятой, в которой значилась зубная щетка, подруга буквально выдрала у нее лист из рук и уставилась на него, высоко подняв брови. Потом она взглянула на Юльку и тихо спросила:

– Это что – все твои вещи?

– Да, – коротко ответила Юлька.

– Бли-ин, – протянула Анна, – ну ты, мать, даешь! Ты на что деньги-то тратила? Ты в чем в гости ходила? Не в монастыре жила-то! Этим вот, – и она сердито трянула выданным ей листочком, – невозможно нормальной бабе обойтись!

– Мне хватало, – осторожно сказала Юлька, пытаясь погасить очередной всплеск эмоций. Ей самой стыдно было смотреть на эту короткую записочку, но такова жизнь. Это был итог, который, как правило, становится явным, когда подведешь его на бумаге.

– Да, как в анекдоте, – припечатала Анька. – Ваше платье прослужит вам долгие годы, если у вашего мужа маленькая зарплата.

– Ну при чем здесь это? – психанула Юлька. – Хватит уже меня поучать – поумнела теперь, сама все понимаю. От твоих подколов легче не станет.

– Ладно, не злись, – пошла на мировую Анька.

Резко брякнул звонок. Это оказался хваленый Гоша. Георгий был выбран из длинного списка кандидатов на поездку к Костику, во-первых, по причине своих невообразимых габаритов, что должно было устроить и подавить негодяя, а во-вторых, он оказался первым, до кого они дозвонились.

Юлька видела его в первый раз. Окинув стоматолога взглядом, она согласилась с Анькой, что кандидат подходящий, в смысле приведения Костика в ступор и изъятия вещей.

– О, – оживилась Анька, когда они замялись в прихожей, пытаясь разойтись с минимальными травмами. – Тесный контакт способствует духовному сближению. Гошка у нас холостой, ты, Юлька, тоже теперь девушка свободная, почему бы вам и не законтактировать!

После этого пионерского призыва Гоша шарахнулся в сторону от Юли и налетел на Аньку, которая, естественно, не удержалась на ногах и рухнула, повалив тумбу для обуви.

– Неплохое начало, – пробормотала она, выбираясь из-под пестрой горки старых тапочек, вылетевших из тумбочки.

– Если так пойдет дальше, то при экспроприации имущества ты, Гоша, выполнишь программу-максимум и в виде бонуса разгромишь квартиру изменщика.

– Извините, – вякнул пунцовый стоматолог и затих.

– Ну что? Ни пуха ни пера нам?

– А я с вами не поеду? – удивилась Юля.

– А зачем ты нам. Мы, партизаны, пленных не берем, и свидетели нам не нужны.

– Ты чего это задумала? – заволновалась Юлька. Глянув на Гошу, вжавшегося в стену, она подумала, что вполне может быть – никакой он не стоматолог. Анька в своей жажде справедливости могла удумать такое... – Чего это вам свидетели не нужны-то?

– Угомонись, болезная, – пошутила я, – вздохнула Анька и начала выталкивать Гошу на лестницу. – Чего замер, дуй давай, «народный мститель»!

На этой радостной ноте парочка покинула квартиру, громко хлопнув дверью. Оставшись в одиночестве, Юлька начала метаться по комнатам, пытаясь найти себе занятие. Делать было абсолютно нечего, все валилось из рук. Включив телевизор, она упала на диван и бессмысленно уставилась в мельтешивший экран.

...Анька нажала кнопку звонка: требовательно и нагло, не отпуская ее, пока за дверью не проклюнулись признаки жизни.

– Кто там, – раздалось из-за двери.

– Откройте, милиция. У нас ордер на обыск.

После этих слов дверь немедленно распахнулась, и перед «мстителями» предстал Костик в линялой розовой маечке, явно дамской, и джинсовых шортах с криво обрезанными штанинами. Шорты бахромелись, и нитки лапшой болтались почти до колен.

– Какой обыск, вы че, какая милиция? Я не понял...

Анька бесцеремонно отпихнула его от входа и протопала в квартиру.

Роскошная рыжеволосая девица сидела на диване и сосредоточенно красила ногти. Рыжая молча уставилась на Аньку, а та в свою очередь на нее.

Костя, почтительно obeжав Гошу, рядом с которым смотрелся довольно жалко, протиснулся в комнату и попытался оттереть Аньку от дивана.

– Я что-то не понял, Аня, ты зачем пришла? – спросил он не без робости, поскольку знал ее дивный характер. Не понимать, зачем она пришла, он не мог. Вопрос был намеком на начало светской беседы без мордобоя, которого Костя надеялся избежать.

Непредсказуемая Анька была в ударе.

– Как ты мог, – трагически прошелестела она. – Ты же жениться обещал, мы же в Турцию собирались, ты же мне колечко подарил... – Анька отчетливо всхлипнула и утерла глаза. Потом она повернулась к девице и горестно спросила: – Вы, наверное, и есть Юля. Я вас не такой себе представляла. Вы, наверное, перекрасились? На фотографиях, которые детектив принес, вы блондинка.

Рыжая сидела, открыв рот. Изумленно вылупив глаза, она пыталась понять суть происходящего.

– Ты чего несешь! – Костик наконец пришел в себя. – Какой еще детектив, когда я на тебе жениться обещал? Сдурела, да?!

– Поняв, что ты охладел ко мне, я решила узнать причину и наняла частного детектива, – голосом героини мексиканской мыльной оперы провозгласила Анька. Встав в позу, она продолжала таким тоном, как будто собиралась сообщить, что Костик как минимум сын ее потерявшейся в детстве сестры и брата матери отца соседа их шурина: – Детектив записал твой разговор с Юлей по телефону. А потом он сфотографировал вас. Наверное, блондинка – это и есть Юля. Извините, девушка, – повернулась она к рыжей, – я вас спутала.

– Юлька не блондинка, – машинально сказал Костик.

– Но ты же обещал жениться на мне, а не на ней! – картинно заломив руки, заголосила Анька.

– Ты спятила! Я на Юльке хотел жениться, а не на тебе!

– Но я же не блондинка!

– А на блондинке я жениться вообще не собирался! Какая, на фиг, блондинка, – спохватился обалдевший Казанова. – Ты чего мелешь, полоумная! Тебе лечиться надо!

– Где блондинка? – требовательно спросила Анька.

Костик замотал головой, как опоенная лошадь, и плюхнулся в кресло. Извилины в мозгу заплелись в тугой узел, и ему показалось, что он спит и видит дурной сон. С Анькой он встречался до этого всего пару раз и жениться уж точно не обещал, более того, она была абсолютно не в его вкусе! Про какую блондинку она говорила, он вообще не понимал. У Юлькиной подружки был явный бред...

– Ах ты мерзавец! – медноволосая красавица обрела наконец голос. – Блондинки у него, Юльки у него, козел! – с этими словами она, как кошка, прыгнула на Костика и вцепилась в его физиономию недокрашенными ноготками.

– Остановитесь, девушка! – трагически произнесла Анька, предусмотрительно отойдя в сторону и дав барышне возможность не только поцарапать, но и попинать мерзавца. На вопросительный взгляд Гоши, который, в отличие от Аньки, не был готов к такому повороту событий, она отрицательно мотнула головой. Все шло по плану.

Последний раз пнув поверженного Костика и вывалив на него цветы из хрустальной вазы вместе с водой, рыжеволосая красотка гордо вышла в прихожую. Через мгновение входная дверь хлопнула.

– Ну вот, – удовлетворенно протянула Анька. – Теперь мы остались без свидетелей.

– Ты меня изнасилуешь? – проблеял Костик. – Имей в виду, я на тебе все равно не женюсь...

– Надо же, какой придурок! – удивилась Анька. – И где только Юлька тебя такого убогого откопала? Нет! Свидетеля мы удалили не за этим... – Скроив зверскую физиономию, она стала приближаться к поверженному врагу.

После всего пережитого Костик окончательно потерял способность здраво мыслить и просипел:

– Ты меня убьешь?

– Не-ет! – зловеще протянула Анька. – Мы тебя используем!

– Как? – вякнул Костик, замерев, как кролик под взглядом удава.

– А ты нам щас Юлькины вещи собрать pomoжешь, бегом! – Анька требовательно уставилась на Костика. – И смотри – не забудь ничего! А то мы за себя не отвечаем. Да, брат? – она повернулась к Гоше. Тот хрюкнул и тут же степенно кивнул:

– Да, сестра!

Трясущимися руками Костик сгребал вещи в любезно подставленные ему сумки. Когда дело дошло до телевизора, Анька поняла, что с психологической атакой переборщила.

– Обалдел совсем, это ж хозяйский наверняка! Ты нам часом лишнего не насовал?

– Не-не, – мелко затряс головой Константин. – Все только Юлькино.

– А колечко? – строго спросила Анька.

Костя покраснел, потом побледнел:

– Я другое куплю...

– Что значит «другое»? Где кольцо, урод?

– Я его Наташке подарил, – прошептал он и непроизвольно втянул голову в плечи.

– Значит, так – кольцо заберешь, другого не надо, надо – это! – с нажимом сказала Анька, брезгливо отодвинувшись от Костика. Надо же. Повезло Юльке на такого мерзавца попасть...

Гоша пыхтел, закрывая сумки. Вторая никак не закрывалась. Вещей там было явно больше, чем в списке. Но это мелочи.

«Все лишнее выбросим», – решила Анька и наклонилась к стоматологу, который бился над молнией. Из сумки высовывалась какая-то непонятная загогулина. Она дернула молнию и оторопело уставилась на Гошу. Потом, переведя взгляд на Костика, прошипела: – Ты что, издеваешься? – В сумке лежала вешалка в виде рогов.

– Так это Юлька купила... – пробормотал Костик. – Сама же сказала, все вещи...

– Рога, – перебила его лепет Анька, – можешь оставить себе. Для комплекта.

– Для какого комплекта?

– Бесплатное приложение к твоей дурной башке. Профукал свое счастье, – философским тоном изрекла Аня.

– Какое счастье? Я на тебе все равно не женюсь, – на всякий случай повторил Костик.

– Я на тебе никогда не женюсь, я лучше съем возле загса свой паспорт, – пропела Анька и, приблизив к нему лицо, лягнула зубами. Костик отшатнулся. Анька с сожалением посмотрела на бывшую подружку любовь... – Прощевай, убогий! Колечко за тобой!

– Вы уходите? – с надеждой спросил Костик.

– А что, хотел чаю предложить? – вдруг включился в разговор Гоша.

– Нет! – мгновенно отреагировал незадачливый любовник.

– Засим до свиданьица! – подвела итог Анька и пошла к дверям.

Юлька изнемогала в неизвестности. Как только в замке зашкрябал ключ, она вылетела в прихожую. Спрашивать при Гоше было неудобно, но узнать все подробности хотелось немедленно. Она с надеждой посмотрела на Аньку. Может, подруга догадается выставить мужика, и они смогут поговорить. Но Анна, похоже, всерьез решила взяться за устройство личной жизни своих друзей, в недобрый час встретившихся в ее квартире.

Юльке Гоша казался слишком громоздким, и она думала о том, что человек ей помог, обидеть его нельзя, но и развивать с этим громилой отношения не хотелось. Гоша же страдал невероятно, поскольку ему было страшно неудобно перед Юлькой, он тоже ни в коем случае не хотел ее обидеть, но у него уже была девушка. Более того, он даже подумывал сделать ей предложение в ближайшее время. Оба мучились и не знали, как себя вести. Если бы можно было все свои мысли высказать вслух, то вечер прошел бы в теплой, дружественной обстановке. Привитое же обоим в детстве воспитание безнадежно испортило остаток дня вынужденным соблюдением приличий. Анька ничего не замечала и усиленно пыталась Юльку с Гошей «законтачить». Когда пришло время прощаться, оба «контактера» вздохнули с облегчением.

Как только за Гошей закрылась дверь, Юлька бросилась к подруге с расспросами:

– Ну как, что он говорил? Он страдает?

Вспомнив расцарапанную физиономию Костика, Анька честно сказала:

– Ага, еще как страдает.

– А эта там была?

– Была, – вынуждена была сознаться Аня.

Юлька помрачнела. От тягостных раздумий ее отвлекла деятельная Анька, предложившая еще раз обсудить завтрашний план действий по осчастливлению бабушки.

Суть плана заключалась в следующем. Для начала надо было осчастливить будущую бабулю тем, что Костик уже никогда не будет ее зятем. Этот факт должен ее обрадовать. Говорить о том, что, скорее всего, зятя у нее не будет вообще, не предполагалось. Затем следовало бить на жалость и сказать о результатах Юлькиного обследования, точнее, о той их части, которая относилась к невозможности зачать и выносить ребенка. После того как Галина Даниловна переживет эту трагедию, можно было подводить к сути проблемы. Беременность преподносилась теперь как счастливый финал этой грустной истории. Логическое построение казалось обоим абсолютно правильным, но следовало сделать поправки на мамину неординарность и разработать пути отхода, а возможно, и бегства.

Решено было, что Юлька поедет одна, Аня будет на связи и, если что, прибудет на выручку. Но это произойдет завтра. С работы Юлька должна была позвонить маме и договориться о приезде в гости.

Наутро Юлька уже сидела на рабочем месте и готовилась к вечернему визиту. Пришел шеф, осторожно поздоровался, внимательно посмотрел на нее и, ничего не сказав, протопал в кабинет.

– Вот и ладненько, – облегченно вздохнула Юлька, – объяснений не потребуют.

Около часа дня в приемную ввалился жизнерадостный супермен, зыркнул на Юльку, поздоровался, степенно снял пальто и отгородился от нее дверцей шкафчика, забрякав вешалкой.

– Чай, кофе? – привычно спросила Юлька.

– Нет-нет, спасибо! – торопливо ответил красавчик. – Я уже завтракал.

Юлька выглянула из-за монитора и удивленно посмотрела на посетителя: вроде бы завтрака она ему не предлагала, и от кофе он обычно не отказывался. Решив, что такая реакция гостя связана с недавним инцидентом под столом, она потеряла к нему интерес и занялась переводом, который необходимо было закончить к вечеру.

Как обычно, шеф с радостным гуканьем утянул супермена к себе, и они затихли. Посмотрев на часы, Юлька решила, что пора звонить маме, и, сняв трубку, набрала номер.

– Мам, привет! Как вы там?

– Что у вас с Кости́ком? – мгновенно взяла быка за рога мама. – Почему ты звонила ни свет ни заря, куда ты пропала? Тебя вчера не было на работе!

Моментально сориентировавшись, Юлька жалостливо всхлипнула и прорыла:

– Мам... Мы с ним разошлись. Ох, мне так тяжело. – И еще раз старательно всхлипнула.

– Юляша, – заохала Галина Даниловна с плохо скрываемой радостью. – Не переживай, у тебя еще будет таких Костиков... Бедная моя девочка, приезжай к нам, поговорим.

Поскольку это приглашение и было целью звонка, Юлька хныкнула еще раз, пообещала приехать вечером и отсоединилась.

Некоторое время она сосредоточенно барабанила по клавиатуре, торопясь закончить работу. Звякнул сигнал внутреннего вызова.

«Шеф», – глянула на дисплей Юлька и пошла в кабинет.

Валерий Михайлович сидел скособо́чившись и наклонив голову, как попугайчик. Он явно собирался сказать что-то неприятное.

«Увольняет, что ли, – екнуло сердце у Юльки. – Надо же, как некстати».

Она переминалась с ноги на ногу. Валерий Михайлович маялся, явно подбирая слова. Супермен сидел вполоборота и косил на нее глазом.

– М-м-м-м, Юля, – наконец выдал шеф, – вам надо будет поработать с господином Никоновым, ему нужна девушка с языком. – Шеф выдохнул и вытер лоб платком, он сильно нервничал, и руки у него заметно тряслись.

Юльке показалось, что она ослышалась. Никогда раньше такой надобности не возникало. Это было более чем странно, а в сочетании с переволновавшимся шефом, похожим теперь уже на переспелый баклажан, выглядело просто подозрительно. Если бы Юлька была о себе более высокого мнения, то она могла бы предположить, что ее приставят к кому-то в виде постельного эскорта. Но эта мысль была настолько дикой, что Юлька даже мотнула головой, чтобы отогнать эту бредовую идею, как муху.

Не сообразив, как отреагировать, она, чтобы протянуть время, спросила:

– Что еще за Никонов, кто это?

Шеф на некоторое время остолбенел, а потом осторожно кивнул в сторону гостя:

– Вот. Странно, что вы еще незнакомы, – светским тоном закончил он и судорожно вздохнул.

Любимый начальник вел себя настолько подозрительно, что Юлька уже не сомневалась: ей готовят какую-то редкостную пакость. Поскольку она почти на сто процентов была уверена, что это никоим образом не может касаться ее девичьей чести, можно было предположить только одно – ее подставят по работе. Но зачем? И каким образом? Она вопросительно уставилась на шефа.

– Вадим, может, я выйду, и вы с Юлей без меня все обговорите, – жалобно протянул начальник и посмотрел на Никонова.

«Значит, Вадим... – подумала Юлька. – Ну конечно, как еще могут звать такого красавчика? Естественно – Вадим». – И она посмотрела на гостя почти с ненавистью.

Тот выдержал гневный Юлькин взгляд и сказал шефу:

– Да, давай мы сами утрясем все подробности.

Валерий Михайлович, радостно стуча пятками, вылетел из кабинета.

– Присаживайтесь, – гостеприимно сказал Вадим и адресовал Юльке шикарную улыбку из своего богатого арсенала.

– Спасибо, – процедила Юлька, медленно закипая. – Давайте ближе к делу. И не надо делать из меня дуру, – добавила она на всякий случай понимающим тоном. Хотя она не понимала абсолютно ничего. Ни одна более или менее дельная мысль ей в голову не приходила.

– Ну что вы, – великодушно прогудел Вадим, – делать дуру не будем!

«Издевается», – подумала Юлька и набычилась.

– Видите ли, Юленька, у нас несколько щекотливая ситуация, – он внимательно посмотрел на девушку.

«Ну вот, все-таки покусилась на святое», – отметила про себя Юлька и заняла глухую оборону.

– Не сомневаюсь, что щекотливая! – агрессивно парировала она.

– Даже не знаю, как начать... Видите ли, вы ведь давно работаете у Валерия Михайловича. Вы приятная молодая девушка, сообразительная и исполнительная. Отзывы о вас самые лестные, – он ободряюще улыбнулся.

Взвинченная Юлька улыбку в сочетании с замысловатым предисловием истолковала неправильно:

– Вы ведете к тому, что у вас в приемной диван двуспальный? – желчно поинтересовалась она.

– Почему двуспальный, – удивился не ожидавший такого поворота секретарской мысли супермен. – У нас нет дивана, – растерянно добавил он, пытаясь угадать по Юлькиному лицу причину такого вопроса.

– Ну как же, вот незадача-то, – огорчилась Юлька. – Где ж вы меня на знание языка проверять будете. А, понимаю, у вас есть стол, – и Юлька зверски подмигнула ошалевшему мужику. Для себя она уже решила, что умирать будет с музыкой. Унижать себя подобными предложениями она никому не позволит.

– Ну конечно, стол, он широкий, большой, места на нем много, – зачастил Вадим, решив, что секретаря волнует качественное оформление рабочего места. Ему позарез нужно было с ней договориться. От ее согласия зависело слишком много. – Он по размерам почти как двуспальный диван.

Черт с ней, раз эту загадочную девицу интересуют габариты мебели, он ей подыграет. Вадим готов был заискивать перед ней, лишь бы получилось.

– Если надо, диван мы купим, – завершил свое выступление супермен.

– Да, а зачем, раз у вас есть двуспальный стол? – решила не сдаваться Юлька.

– Ну, если вам это необходимо для работы...

– А как же, секретарю да без дивана. Нам, секретарям, без этого никак нельзя, на столе-то жестко. Это будет сказываться на результате, – добавила она с чудовищным ехидством.

– Каким образом? – устало спросил Вадим. Разговор явно не получался. Про себя он отметил, что сцена в приемной приобретает некий налет сюрреализма. Он никак не мог подойти к сути проблемы, а хваленая секретарша несла какую-то редкостную чушь. Валера говорил, что лучшей кандидатуры не найти, а на деле получалось, что у этой «кандидатуры» явно не все дома. Но выхода не было, время поджимало. Посмотрев на Юльку, которая стояла в какой-то боевой позе, набычившись, и улыбалась ему очень нехорошей улыбкой, Вадим вздохнул и попытался еще раз:

– Нам нужна ваша помощь...

– Да что вы, я в этих вопросах не специалист, есть же масса клиник, вам там обязательно помогут!

Он почувствовал непреодолимое желание дать этой девице по башке так, чтобы она временно потеряла способность вкаты свои глупости и дала ему возможность договорить до конца. Руки просто чесались. Что имел в виду Валера, когда ее нахваливал? Одно ее недавнее ползание по полу с периодическими ударами головой о стол уже могло насторожить. Но проблемы были такими, что разбираться с психическим здоровьем девушки уже было некогда, хотя и стоило бы.

Сжав зубы и вздохнув, с трудом удерживаясь, чтобы не гаркнуть на нее, он сделал еще один заход, надо было срочно менять направление разговора:

– Ваш английский на каком уровне?

Теперь уже обалдела Юлька. Тема сменилась так резко, что она вообще потеряла нить разговора. Как связать английский с покушением на ее невинность, недавно плавно перешедшую в беременность, она не понимала.

– Филфак, – бормотнула она, осторожно отступая к стене. Ей срочно нужно было на что-то опереться, голова кружилась и к горлу подступала легкая дурнота.

Вадим решил, что Юлька, пытаясь продемонстрировать свое знание языка, обругала его не по-нашему. Он был великолепным технарем, а вот гуманитарные науки ему не давались. Даже хваленые курсы, на которые пришлось ходить, чтобы общаться с западными партнерами без переводчика, не помогли. Иностранные слова, на краткий миг зависнув в сознании, тут же отваливались в никуда, как пассажиры от дверей переполненного автобуса в час пик. Но слово «фак» он знал. Почти с ненавистью посмотрев на подsunутое ему «сокровище», он процедил:

– Не надо демонстрировать тут свои глубокие познания, ругаться я тоже умею. – Она его определенно достала, и сдерживать себя он уже не мог. Пару дней назад он пришел, чтобы приглядеться к ней. Когда у них на совещании зашел разговор о Юльке, он, мно-

гократно бывавший в Валериной приемной, даже приблизительно не мог вспомнить эту девушку. Пришлось поехать на смотрины, которые оказались крайне неудачными. Секретарша производила впечатление полубезумной. Сначала она невнятно ругалась по телефону, потом уползла под стол и долго с чувством там валялась. Эта дурища могла запороть все дело, но решение уже было принято, и менять что-либо было не в его полномочиях.

Девушка захлопала глазами:

– Вы о чем? Кто ругался-то?

Юльке тоже требовалась ясность. От нее чего-то хотели, но уж очень замысловато этот красавчик изъяснялся. Ну что с него взять: мужик либо красивый, либо умный, в комплекте эти качества к мужчинам не прикладываются. М-да, тяжело с ним, как он вообще с шефом-то общается, половина разговора небось знаками, тяжело ему, болезному, слова подбирать, вон какой фиолетовый от натуги.

Фиолетовый супермен крепился, чтобы не придушить будущую соратницу. Какие все-таки бабы дуры: курица не птица, баба – не человек. Права была мама, ни одна девушка не может соответствовать его требованиям, а значит, не надо и пытаться их водить домой на кастинг. Хотя если слушать маму, то жениться следовало на своем друге и компаньоне Сергее, на что последний вряд ли согласится.

– Филфак – это филологический факультет университета, – любезно расшифровала Юлька. – Извините, не сообразила, с кем разговариваю, а то сразу бы пояснила. Некоторые люди получают образование в высших учебных заведениях – вузах, это тоже сокращение, как и филфак. Так вот, вузы делятся на институты и университеты, а там...

– Вы можете чуть-чуть помолчать?! – в очередной раз сорвался Вадим. С одной стороны, ему было стыдно, что он не догадался. Естественно, он знал про филфак, но Юлька так задурила ему голову своими дикими вопросами и нестандартной реакцией, что это сказалось таким вот глупым образом. С другой стороны, нужно было переходить к делу, и немедленно. Обмениваться колкостями было некогда.

– Сядьте и выслушайте меня, – теперь голос у него был почти умоляющий.

Юлька послушно присела на стул и молча уставилась на супермена. Тон, которым он попросил ее сесть, изумил ее до крайности, потому она и впала во временную задумчивость, не найдя, что ответить.

Вадим решил начать с главного, иначе эта умопомрачительная беседа никогда не закончится:

– У нас кто-то ворует информацию. Я бы сказал, стратегически важную для нашей компании информацию. Документы, которые содержат коммерческую тайну, попадают к конкурентам. Причем срок получения информации конкурентами минимальный. Мы читаем письма западного партнера практически одновременно. Компания у нас достаточно состоятельная, расследование было проведено, но найти, через кого происходит утечка, мы не смогли. То есть теоретически мы вычислили, но поймать за руку не можем. Нам нужно спровоцировать очередную утечку, чтобы решить вопрос окончательно. Это бизнес, каждый день задержки приносит огромные финансовые потери. Вам пока все понятно? – Вадим внезапно прервал свое введение в «курс молодого бойца».

– Мне пока вообще ничего не понятно, – честно сказала Юлька.

«Надо же, и с ней мне придется работать», – тоскливо подумал Вадим.

– То есть понятно все, кроме одного: при чем тут я? – дополнила свое выступление Юлька.

Вадим облегченно вздохнул: «Может быть, она не совсем тупая».

Ему очень хотелось на это надеяться, поскольку от нее зависела вся его жизнь. Если Юлька не справится, то бизнес может просто рухнуть, и тогда им с Сергеем придется начи-

нать все с самого начала... Возвращаться к полуголодному существованию начального этапа их работы он уже не мог. Сегодняшний комфорт был оплачен долгими годами кропотливой работы. Сейчас, покупая костюмы в супердорогих бутиках, он мстил своему прошлому, когда у него были только одни джинсы, неумолимо протиравшиеся во всех местах. Каждый раз, давая кредитку приветливым девушкам на кассе, он вспоминал, как эти джинсы однажды развалились так, что даже заплату уже поставить было некуда. И на улицу пришлось идти в шортах, изображая спортсмена. Это в октябре-то. Выручил Серега. Как всегда. У него было две пары брюк, не менее ветхих, но он поделился. Теперь они вспоминали то время с улыбкой. Казалось, что так не бывает. Тем не менее это было. И тем страшнее казалась сейчас потеря всего, чего они достигли на сегодняшний день. Он с надеждой посмотрел на Юльку. Она действительно казалась ему соломинкой, за которую хватаются утопающие. Нужна была патологически честная девушка. Нанять профессионалку они не могли. Слишком высок был риск. Профессионалы работают за деньги. Купленную услугу всегда могут перекупить. Нужна была такая вот бескорыстная, слегка сдвинутая, рекомендованная по знакомству. Соратница.

– Мы подозреваем нашу переводчицу, – выдохнул Вадим и внимательно уставился на Юльку. Вдруг в ней всколыхнется женско-профессиональная солидарность?

Юлька выжидательно молчала. Как только до нее дошло, что девичья честь в безопасности, к ней вернулась способность мыслить адекватно. Уж что-что, а сообразить, что слушать супермена надо молча и не перебивая, она смогла.

– Вы временно займете ее место, а она будет переброшена на другую работу. Вся документация пойдет через вас. Нина должна будет попытаться получить доступ к переписке через вас. Возможно, вас попытаются купить, – он опять посмотрел на Юльку, не мелькнет ли огонек алчности в ее глазах. Она по-прежнему внимательно смотрела на Вадима.

«Какие у нее глаза, – внезапно подумал он, сбившись с мысли. – Детские и чистые».

Ни у одной из его девиц не было таких глаз.

«А она могла бы понравиться маме», – внезапно пришла ему в голову абсолютно неуместная мысль.

Пауза затянулась. Юлька поторопила его:

– Что требуется от меня?

– Пока только ваше согласие на участие в «операции». – Он усмехнулся: похоже на игру в шпионов. Но это была не игра, слишком серьезно все складывалось. – Если «да», то подробности мы обсудим у нас в офисе. С Валерием Михайловичем мы договорились. Ваша фирма тоже заинтересована в удачном решении наших проблем. Так что? – Ему было страшно: карты раскрыты, а вдруг она откажется. И он торопливо добавил: – Естественно, мы очень хорошо заплатим.

Юлька, для которой размер оплаты в свете последних событий был очень важен, тем не менее постеснялась спросить, сколько именно. Тем более что наверняка он не уполномочен называть сумму, пока не обговорили детали. Еще вчера она решила откладывать каждую копейку. Анька права, неизвестно, как все повернется, а ее малыш ни в чем не должен нуждаться. Авантюра, конечно, но не в Юлькином положении выбирать.

– Я согласна, – коротко сказала она. – Какие мои действия?

Вадим с облегчением вздохнул, почувствовав, как отступило напряжение и отпустили тиски, сжимавшие затылок.

– Отлично. Завтра за вами заедут.

– Адрес дать?

– Спасибо, у нас есть.

«Ну ни фиги себе, – охнула про себя Юлька. Потом, улыбнувшись с чувством превосходства, гордо спросила:

– У вас какой?

Потыкав ручкой в электронную книжечку, Вадим назвал ее прежний адрес, где она жила с Костином. Так она и думала, тоже мне, все они знают...

– Нет, я сегодня проведу ночь в другом месте. Пишите. – Она продиктовала адрес родителей.

Вадим записал, почувствовав, что его это задело: «проведу ночь в другом месте»... Фу-ты ну-ты – королевна. Но было отчего-то немного обидно. Про Костика, который, по их данным, до сих пор числился в действующих кавалерах, они все знали. Служба безопасности доложила. А вот про «другой адрес» информации не было. Хотя... Личная жизнь Юльки к делу не относилась...

Юлька вышла в приемную. Шефа нигде не было.

«Спрятался, работороговец», – удовлетворенно подумала Юлька и села добивать перевод.

Выйдя с работы, она потащила к метро: до родителей на маршрутке не доедешь. В метро, как всегда, была давка. Злые, усталые сограждане ожесточенно пихали друг друга, пытались втиснуться в вагон. Теплая одежда мешала развернуться в полную силу, поэтому толпа лишь невыразительно колыхалась, компенсируя недостаток активности смачными замечаниями в адрес друг друга.

– Бабуля, что вы лезете в метро, вам на кладбище пора, а вы место в общественном транспорте занимаете, – злобно бубнил дородный дядька, пытаясь оттереть маленькую бабульку. Но бабулька была верткая и цепкая, она повисла на хлястике пальто впереди ползущей девицы и сдаваться не собиралась.

– Лежала бы себе в тишине и покое, так нет – топчется тут, антиквариат, – не унимался скандальный дядька.

– Туда и еду, милый, – успокоила его бабка.

– Куда «туда»? – Не ожидавший такого мирного ответа скандалист опешил.

– Так на кладбище, родимый!

– Чего это, пошутить решила, мамаша?

– А знаешь, как холодно в земле-то лежать, вот мы и ходим в метро греться, – обернулась к нему «мамаша» и клацнула вставными челюстями. Толпившиеся рядом подростки заржали и занесли бабку в вагон. Дядьку отбросило людским течением от дверей, и он остался ждать следующего поезда. Юлька тоже осталась, на нее не хватило места. Некоторое время она безуспешно пыталась вжать в вагон даму в лохматой мохеровой шапке, но объемистый зад тетки не уминался. Примять его смогла только закрывающаяся дверь вагона, и она увидела лишь довольную физиономию счастливой пассажирки.

Юлька втиснулась в следующий поезд. Толпа гомонила и не давала сосредоточиться. Рядом стоящий ребенок старательно изображал разговор по игрушечному мобильнику. Юлька дарила такой Люсиной дочке на день рождения и сразу узнала картинку на дисплее. Дисплей был пластмассовым, а картинка наклеенной. Она устало отвернулась от юного «бизнесмена», оравшего в свою трубку, чтобы пароход без него не покупали. Рядом терся недавний скандальный дядька. Он суеился и пыхтел сзади. В Юлькину ногу что-то уперлось, потом это «что-то» поползло вверх. Мало того, что это было возмутительно, было еще и ужасно больно, явно назревал синяк, и она резко развернулась. Нахал стоял, опустив глаза, и шевелил руками. Увидеть, что именно он делал, было невозможно, поскольку люди были притиснуты друг к другу, как сельди в бочке. Но, судя по судорожным движениям его плеч, он был страшно занят каким-то важным делом. Юлька даже догадывалась, каким. Ей надоело оглядываться, как раз в этот момент что-то рванулось вверх у нее между ног и больно стукнуло по самому интересному месту. Она резко развернулась и схватила мужика за грудки. Ее голос перекрыл шум поезда. В свое выступление она вложила напряжение и

обиды последних дней. Суть речи сводилась к следующему: во-первых, лечиться, лечиться и лечиться, во-вторых, было предложено вылечить его немедленно своими, то есть Юлькиными, силами путем ампутации лишних частей тела, в-третьих, идти по адресам, перечень которых она не постеснялась озвучить, ко всеобщему удовольствию. Народ, не имевший возможности почитать в такой давке, искал развлечений. Юльку слушали, затаив дыхание.

Дядька даже не сразу понял, что обличительная речь адресована ему. Пространство вокруг них с Юлькой слегка разрядилось, и Юлька получила возможность отодвинуться от наглеца. Когда она опустила глаза, то пожалела, что сейчас не ее остановка. Дядька был абсолютно не виноват. В этой давке у него расстегнулся «дипломат», который он и пытался застегнуть. Но, поскольку в момент захода в вагон чемоданчик попал как раз между Юлькиных коленок, чего владелец, конечно, не знал, так как заглянуть вниз не представлялось возможным, мужик стал пытаться поднять имущество повыше, дабы защелкнуть замочки. Но что-то мешало. Это «что-то» оказалось Юлькой. Красная как рак, она вылетела из вагона под всеобщее неодобрение и визгливое выступление оскорбленного мужика.

Да уж, если жизнь пошла кувыркком, то так будет во всем.

Юлькин палец впился в розовую пупочку родительского звонка. За дверью раскатилась соловьиная трель, и дверь немедленно распахнулась. На пороге стояла мама с соответствующим моменту трагизмом в лице. Не дав Юльке даже скинуть дубленку, мама обняла ее и запричитала:

– Девочка моя милая, как же тебе тяжело, что тебе пришлось пережить.

На самом деле Галина Даниловна не знала, что пришлось пережить дочери, но очень хотела узнать.

Чтобы оттянуть момент объяснений, Юлька спросила:

– А где папа?

Папа не замедлил явиться. Чмокнув дочь в щечку, он тоже вопросительно уставился на нее.

– Сейчас все расскажу, только я голодная, – решила отвлечь родителей от допроса Юля.

После ужина, когда оттягивать момент объяснения было уже невозможно, она, доев последнюю корочку, отложила вилку и горестно вздохнула.

– Костик мне изменил, с ним у нас все.

Папа тут же удалился под строгим маминым взглядом, а сама маман замерла в ожидании подробностей. Пришлось все рассказать.

Когда монолог о подлеце Костике подошел к концу, мама прочла лекцию на хорошо известную Юльке тему: Костик не пара ее дочери, таких Костиков пруд пруди, толпами бегают, и все еще образуется. После чего принялась по второму разу обсасывать подробности трагедии. Но Юлька прервала ее на самом интересном месте:

– Мама, это еще не все. У меня ужасные новости.

– Что еще? – озадачилась Галина Даниловна.

– Скажи, ведь правда не в детях счастье?

– Что-то я не пойму, ты к чему это?

– Ну вот, если бы я сказала, что у тебя не будет внуков, тебя бы это очень расстроило?

– Да ну, Юляша! Что за ерунду ты говоришь! Можно подумать, что, кроме твоего ненаглядного Костика, мужиков больше нет. Прямо-таки родить не от кого. Глупости!

– Мама, ты не поняла. Все намного хуже...

Но мама ее не слышала:

– Вот у Кати, помнишь Катю, мы с ней работали, когда ты в университет поступала...

Она еще к нам приезжала, сапоги привозила на продажу? Так вот, у нее чудесный сын, Виктор. Твоего возраста. Чем не пара... – И мама сорвалась бежать звонить своей Кате.

- Мама! – завопила Юлька. – Выслушай меня!
- Да что тебя слушать? Наворотила уже... Сколько времени с этим прохвостом потеряла. Не девочка уже, о семье пора думать. Так мы с отцом никогда внуков не дождемся!
- Мам! Дай сказать... – попыталась встрять Юлька.
- И не спорь. Я найду тебе нормального мальчика, который нам с папой понравится. У нас есть жизненный опыт в отличие от тебя, мы лучше разберемся...
- А спать с ним тоже вы будете? – съязвила Юлька.
- Не мели чушь! – рявкнула Галина Даниловна, берясь за телефон.
- Юлька решительно вырвала у нее из рук трубку и попыталась привлечь внимание к себе:
- Мам! Я была у врача...
- У какого? Что случилось? – всполошилась мама. По врачам Юлька отродясь не ходила.
- У такого... – Юля тягостно вздохнула и выдала: – У меня практически нет шансов забеременеть.
- Что значит «практически»? – обмерла мама.
- А это значит, что мне только чудо поможет. Вот. – И Юлька внимательно посмотрела на мать, пытаясь понять, какой момент будет самым удачным для объявления о чуде. Анька сказала, что будущая бабушка должна дозреть. Но мать не помидор, степень зрелости по цвету не определишь. На практике все оказалось намного сложнее, чем на Анькиной кухне.
- Какое чудо? Я не понимаю... – Галина Даниловна беспомощно смотрела на Юльку. – У тебя не может быть детей... Но это бред! У меня же есть дети, а я твоя мать. Это должно было передаться по наследству...
- Похоже, маму понесло не в ту степь. Испытывать дальше ее нервы Юлька не решилась. Пора было переходить к главному:
- Да, мам! Детей быть не могло. Но так случилось, что я забеременела. И отец ребенка – Костя!
- Значит, все-таки внук у меня будет? – не поверила мама. Она чувствовала себя так, словно на гигантской скорости посмотрела мексиканский сериал с трагической завязкой и счастливым концом. Было абсолютно непонятно, радоваться или плакать. Выбора ей не оставили, все уже было решено, а Галина Даниловна не привыкла, чтобы ее ставили перед фактом.
- И как... В смысле, и что? – мама растерялась. – Ну, сколько уже?
- Что «сколько»?
- Срок какой, – рассердилась мама. – Что непонятного?
- Пять недель, – осторожно ответила Юлька.
- Мама закурила, сосредоточенно о чем-то размышляя. Наконец выдала свое резюме притихшей Юльке.
- Что ни делается, все к лучшему! Срочно ищем мужа и вешаем на него отцовство.
- Мама, ты что! – изумилась Юлька. – Я так не смогу. Это непорядочно, да и глупо – всю жизнь обманывать...
- Сможешь! – безапелляционно заявила мама. – Ребенка кто-то должен кормить. Перестань хлопать крыльями и спустись на землю.
- Ты как Анька...
- Она уже знает?
- Ну...
- Я так и знала! Вместо того чтобы идти к родной матери, ты сначала обежала всех подруг! Они тебе роднее, их мнение для тебя значит больше, чем мое! – мама явно собиралась пустить слезу.

– Мам, мам, не надо! Я согласна, делай, как считаешь нужным.

В конце концов, любого жениха можно будет потом забраковать. А когда живот станет заметен, женихи отпадут сами собой.

Галина Даниловна уже увлеченно тыкала в кнопки на телефоне.

– Алло, Катюша! Здравствуй, дорогая, – защебетала мама. – Как ты, как Витя...

Она надолго затихла, изредка кивая головой бормочущей трубке.

– Надо же, какой молодец! А девушка у него есть? – мама наконец получила право голоса. – Ну вот, и моя Юлька все одна. Такая молодец. Вся в работе, о парнях и не думает.

Далее последовали хвалебные песни в Юлькину честь. Поскольку Катя слушала молча, можно было догадаться, что своего сына она уже успела похвалить в первой части беседы.

– Слушай, – перешла к делу Галина Даниловна. – Надо бы их познакомить, а то сейчас время такое, приведут еще кого с улицы. Сейчас девки-лимитчицы за мальчишками прямо охоту устраивают, как бы твоего Витюшу кто не окрутил. Давай-ка его с моей Юлькой позначим!

Трубка начала довольно кряхтеть. Кате идея явно понравилась, и она охотно двинулась к расставленным на ее Витюшу сетям.

Решено было, не теряя времени, познакомить отпрысков прямо завтра. Встреча должна была произойти на территории жертвы. Довольная мама положила трубку.

– Ну вот, что бы ты без меня делала.

– Да уж, – поддакнула Юлька. – Главное, чтобы жених нормальный оказался.

– Хм, – осадила ее мама. – Главное, чтобы невеста не оказалась беременной! А то сейчас девки ушлые... – И она выразительно посмотрела на Юльку.

Та решила, что надо срочно звать на помощь Аньку. Звонить из дома было нельзя, значит, придется завтра с работы.

Утром в дверь раздался звонок. Юлька сидела на кухне и пыталась съесть похожую на клейстер геркулесовую кашу на воде: мамуля была сторонницей здорового питания.

– Юляша! – нарочито бодрым голосом пропела в коридоре мама. – К тебе юноша!

Юлька вышла в прихожую посмотреть на пришельца.

У дверей стоял щуплый мальчишка лет двадцати.

– Здравствуйте, – тонким голосом протянул визитер. – Вы Юля?

Последнее было сказано скорее утвердительно, нежели вопросительно.

– Я Юля.

– А я водитель, от Вадима, – сказал мальчик и почему-то засмутился.

– Подождите внизу, я сейчас спущусь, – величественно обронила Юлька и ушла на кухню доедать клейстер.

– Ну ты совсем уже... Ты как с человеком разговариваешь? – закипятилась мама. – Кто это? С каких пор тебя водители на работу возят? – добавила она уже более спокойным тоном.

– Возможно, это в первый и последний раз! – чистосердечно призналась Юлька. – Сегодня все будет ясно. Приеду и расскажу.

Она вприпрыжку сбежала по ступенькам и вылетела во двор. Перед входом стоял до блеска вылизанный экипаж. Темно-синий «Вольво»... Но за рулем-то был не принц! Все-таки жизнь не очень любит делать подарки. Или это только ей так не везет?

Юлька села на переднее сиденье, и машина мягко тронулась с места. Водитель всю дорогу молчал. Сначала она хотела включить приемник, чтобы разрядить эту гнетущую тишину, но панель была такой «кнопастой» и загадочной, что экспериментировать пассажирка не решилась. К тому же хозяйничать в чужой машине было бы верхом невоспитанности. И Юлька затихла, настороженно глядя в окно.

Ехали долго. Похоже, офис ее работодателя находился довольно далеко от родительского дома. Если ее не будут возить на работу каждый день, то придется добираться самой. Совершенно некстати она вдруг вспомнила, что надо забрать свои вещи у Аньки. Если на новом месте потребуют менять туалеты, то надо будет как-то комбинировать имеющиеся в наличии шмотки. Их и так было мало, но и это «мало» сейчас висело в подружкином шкафу.

– Приехали, – тихо сказал шофер, подрулив к небольшому особнячку.

Юлька бодро вышагнула из «Вольво», попав ногой в прикрытую льдом лужу, выскочила на сухое место и стала озираться. Водитель вышел за ней.

– Пойдемте. – И он уверенно пошел ко входу в особняк.

На стене у двери теснились какие-то вывески. Но Юлька не успела прочитать, что на них написано. Похоже, особняк был небольшим бизнес-центром, разбитым на несколько офисов. Внизу сидел охранник, равнодушно кивнувший водителю. Он скользнул взглядом по Юльке и снова уставился в газету.

Справа от входа между двумя красиво оформленными зелеными островками находилась небольшая конторка с надписью «АДМИНИСТРАТОР». За стойкой маячила молоденькая коротко стриженная блондиночка. Она вся излучала хорошее настроение, и улыбка у нее была не просто приветливая, а абсолютно счастливая. Так могут улыбаться только дети, еще не вошедшие в стадию взрослых проблем.

– Юрик! – Радостно и звонко крикнула девушка. – А ваших еще нет, и ключи мне вчера не оставили! Кофе хотите? – это уже относилось к Юльке.

– Нет, спасибо... – смешалась Юлька. Обычно кофе просили у нее, а она жутко не любила его подавать. Загружать заботами эту милую девчушку не хотелось.

– Придется подождать, – виновато сказал водитель и махнул рукой в сторону аккуратных диванчиков.

«Подождать так подождать...» – подумала Юлька. Ей было не по себе и очень хотелось оттянуть момент встречи с Вадимом. Вчера они пообщались не совсем удачно. Юльке было неловко вспоминать свои давешние подозрения.

Двери хлопнули, Юлька напряглась, ожидая увидеть Никонова, но в холл ввалился средних лет дядька, сухопарый, маленького роста, с крошечными злыми глазками.

– Бизнес-центр здесь? – спросил он неожиданно громким голосом.

– Конечно, конечно, – обрадовалась клиенту блондиночка. – Чем могу помочь? – добавила она с непередаваемым выражением готовности исполнить все его пожелания.

– Мне нужно поработать, – сварливо сказал дядька. – Где тут можно сесть?

Девочка растерялась:

– Что вы имеете в виду? Вот, присаживайтесь, пожалуйста, на диванчик... – Она растерянно посмотрела на посетителя.

Клиент плюхнулся на низкий диван и водрузил себе на колени ноутбук. Компьютер был совсем новенький, из последних моделей. Юлька недавно покупала такой для дочери шефа. Папаша решил сделать той подарок на пятнадцатилетие, и Юлька целую неделю таскала Валерию Михайловичу проспекты с изображением моделей. А он, в свою очередь, абсолютно не разбираясь в вопросе, морщил лоб, разглядывал картинки и, вздыхая, спрашивал: «А подороже нет? Ну, чтобы совсем такой... Ну, крутой».

И вот теперь рядом возился дядька с таким же «крутым» агрегатом. Судя по его суетливым движениям, компьютером он пользовался едва ли не в первый раз. Он бестолково жал на все возможные выпуклости, пытаясь его включить. Нервы у него явно были не в порядке. Он злился и сердито бурчал что-то себе под нос. Наконец экран приветливо засветился, и дядька принялся терзать клавиатуру.

Юлька скучала, время тянулось, но никто больше не появлялся.

«Интересно, во сколько у них начинается рабочий день? – размышляла она. – Явно, что не в 9.00».

Она уже успела во всех деталях разглядеть шедевр неизвестных флористов, украшавший холл, девушку, стены и потолок. Взгляд ее в очередной раз уперся в дерганого посетителя, который с ожесточением нажимал на кнопки и ругал ноутбук уже в полный голос.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – робко спросила блондиночка у сердитого клиента.

– Чем вы можете помочь? – презрительно выдал мужик. – Комп сломался, завис...

Юлька, удивленная таким сленгом в устах немолодого «юзера», тоже решила включиться в процесс:

– А в чем проблема? Может, я помогу?

– Да он не печатает! Зараза! Вот как надо что-то срочно, так всегда эта техника подводит! То ли дело раньше было – нормальные печатные машинки. Что напечатал, то уже твое, не пропадет! – и он с ненавистью посмотрел на экран ноутбука.

– Не печатает? – Юлька заглянула в монитор. На экране мелким бисером светился текст. – Можно? – И, не дожидаясь ответа мужика, она потыкала в букву «а». Буква послушно появилась под набранными абзацами.

– Печатает! – порадовала дядьку Юлька.

Нервный презрительно посмотрел на нее:

– Специалистка нашлась! Ваше бабское место на кухне, щи варить, детей рожать. А они придумали эмансипацию и лезут куда ни попадая, феминистки!

«Феминистка» ошарашенно посмотрела на психопата. Нет, она, конечно, не ждала, что он рассыплется в благодарностях. Но хамить-то зачем?

Мужик решил пояснить для окружающих, призывая их в свидетели женского невежества:

– На клавиатуре текст набирают, а печатают на бумаге! Деревня! – это относилось опять к Юльке.

Поскольку из окружающих наблюдались только блондиночка и охранник, мужика никто не поддержал. Более того, девочка-администратор вообще впала в ступор и явно пыталась понять, как же помочь клиенту и что у него, в конце концов, случилось. В ее глазах была такая мука, мыслительный процесс малышки явно зашел в тупик, и Юлька решила завершить начатое, невзирая на трудности. К тому же хотелось постоять за честь всего женского рода.

– Так что тогда не печатается у вас?

– Документ, – односложно ответил хам, решив не тратить время на дурочку.

– Что значит «не печатается»? – настырная Юлька не отлипала.

Внезапно мужик решил объяснить убогой ситуацию и тон постарался выбрать соответствующий: так разговаривают с детьми и умственно неполноценными взрослыми, какой он, видимо, и считал настырную девицу.

– Не печатается – это значит, что на бумаге не появляются буквы...

– На какой бумаге? – не отставала Юлька.

– На белой, – разозлился мужик. – Промышленность производит такие белые прямоугольные листочки, на них печатают документы.

– А при чем здесь ваш компьютер?

– Лечись, придурочная! – разъярился мужик. – У меня в компьютере документ, у меня встреча тут, мне его распечатать надо, подписать и отдать... Вот привязалась, русскую речь не понимает, идиотка. Понаехали тут лимитчики, только с поля – и сразу в офис лезут, – неожиданно поменял он тему. – Ты сначала метлой помаша, образование получи, а потом уже лезь к умным людям с разговорами!

Логика в его словах не наблюдалась, Юльке даже стало жалко психопата, наверное, нервы надо подлечить человеку, но вслух она это говорить не стала. Кто его знает, такой может и врезать, вон как слюной брызжет. Вдруг у него вообще бешенство, укусит еще... И Юлька на всякий случай отодвинулась от злобствующего дядьки.

Блондиночка за стойкой чувствовала себя в большей безопасности, поэтому и сообразила быстрее:

– Вы хотите распечатать документ?

– Ну надо же, – оживился мужик, наметив новую жертву. – Да-да, как до вас быстро дошло-то! Хочу! Распечатать хочу!

– Так давайте сюда, сейчас подключим и распечатаем. – Девочка продолжала излучать профессиональную любезность, хотя и сделала опасливый шаг назад, когда дядька встал с дивана.

– Что «давайте сюда»?

– Ноутбук.

– Зачем?

– Подключим...

– Зачем еще, куда подключим?

Девочка была уже измучена до крайней степени. Ей так нравилась эта работа, было так приятно помогать клиентам, но этому, похоже, нужна помощь не администратора, а врача. Разговор просто зашел в тупик.

И тут опять встряла Юлька:

– Если я правильно поняла, вы ждете, что после команды «печать» из ноутбука полезет бумага с текстом.

– Надо же, и эта проснулась! – Дядька высокомерно посмотрел на нее и продолжил: – Именно, хочу получить свой документ в печатном виде и пойти на встречу. Что, непонятно? Интервью закончено?

– Нет! – не сдавалась Юлька. Ее душил смех, но она сдерживалась. – А откуда, по-вашему, должналезть бумага? И еще, она должна вылезать листами или у вас там рулон? – мстительно добавила она.

Блондиночка за стойкой тоже все поняла и тихо хихикала.

– Рулон – это у вас в сортире, – вызверился мужик. – А у меня документы на листах, на отдельных, нормальных листах.

– А листы где? – не сдавалась Юлька. Блондинка уже корчилась от хохота под стойкой.

– Внутри! – гордо ответил дядька.

– Внутри чего?

– Внутри ноутбука!

– А кто их туда клал?

Психопат впервые озадачился:

– Точно, я бумагу не положил.

– Куда?.. – только и смогла выдавить Юлька и, сложившись пополам от смеха, рухнула на диван. Она давно так не смеялась, аж слезы потекли. Под стойкой ей тоненько вторила блондинка.

Мужик растерялся.

Вошедший Вадим застал дивную картину: администратора нет, только из-под стойки несет тихое повизгивание, посреди холла стоит злой краснорожий мужик, а эта девица, на которую была вся надежда, задрала ноги, валяется на диване и гогочет в полный голос, размазывая по щекам слезы.

«Просто несчастье ходячее, – подумал Вадим. – Она притягивает к себе нестандартные ситуации, девочка-беда... Вот мы с ней влипли-то! Подсuropил нам Валера сокровище».

– Рита! – грозно рявкнул Вадим. – В чем дело?

Юлька, будучи в своем репертуаре, со звуком сырого теста шлепнулась с дивана на пол, пытаясь подняться, дабы достойно встретить нового работодателя.

«Елки-палки... – расстроилась она, – как только появляется этот красавчик, со мной вечно что-нибудь случается. Просто комедия абсурда, отродясь я столько на полу не валялась. Наверное, у него биополе такое вредительское. Как сказала бы мама, он задевает ее своим энергетическим хвостом». Юлька очень живенько представила себе, как за Вадимом тянется длинный бородавчатый, как у крокодила, хвост, которым он делает ей очередную подсечку. Картинка была такой нелепой, что Юлька хихикнула.

«Потрясающе, – подумал Вадим. – Валяется на полу в общественном месте и ржет. Ну, спасибо тебе, Валера!»

Скулеж под администраторской стойкой прекратился, и появилась взлохмаченная голова администратора. Она виновато захлопала глазами и преданно взглянула на начальство.

– Доброе утро, Вадим Сергеевич! Понимаете, Вадим Сергеевич, вот тут клиент пришел, ему надо... надо было документ... распечатать... – Она не выдержала и снова скорчилась от смеха. Теперь слезы текли и у нее. Она пыталась остановиться, но у нее не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.